

ВЫЖИВШИЙ

ГЕННАДИЙ МАРЧЕНКО
ЧИСТИЛИЩЕ

Наши там (Центрполиграф)

Геннадий Марченко

Выживший. Чистилище

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Марченко Г. Б.

Выживший. Чистилище / Г. Б. Марченко — «Центрполиграф»,
2018 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08124-7

Бывший спецназовец Ефим Сорокин вряд ли предполагал, что, прыгая с парашютом в 2017 году, приземлится в... 1937-м. В СССР под руководством товарища Сталина всюду строят социализм, а заодно расправляются с врагами народа. И неудивительно, что так странно экипированного незнакомца сразу записывают в агенты западных спецслужб...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08124-7

© Марченко Г. Б., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Геннадий Марченко

Выживший. Чистилище

*Укатала особая тройка,
Закатила в свои лагеря
И заочно меня окрестила:
Вместо имени номер дала...*

*Светлана Шилова.
Безымянная могила*

© Марченко Г. Б., 2018
© «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Короткий тычок в солнечное плетение заставил меня согнуться пополам. Пока я пытался протолкнуть в лёгкие воздух, мне добавили по почкам, и я, рухнув на пол, едва не отключился. Суки! Знают, куда бить. Ещё бы, опыта в подобных делах у этих костоломов хоть отбавляй.

Перед моими глазами оказались хромовые, хорошо начищенные сапоги следователя.

– Так и будем упорствовать, гражданин Сорокин?

Руки его подельников вздёрнули меня вверх, продолжая удерживать на весу – ноги пока ещё плохо мне подчинялись.

– Будешь правду говорить, падла?!

И ещё один удар в грудь, после которого я обвисаю в руках своих палачей. На этот раз к горлу подкатила тошнота, и каким-то чудом меня не вывернуло наизнанку. Ещё не хватало здесь наблевать, этот грёбанный садист может заставить и языком вылизывать всё это. Хотя я бы его, конечно, послал куда подальше, но после этого пришлось бы вытерпеть очередную порцию физических издевательств. А мне и так уже было ой как несладко.

* * *

Как я оказался в столь щекотливой ситуации? В это трудно поверить, но ещё вчера я находился... ровно в восьмидесяти годах отсюда. Да-да, вы не ослышались, именно в годах, а не километрах. Потому что в 1937-й я угодил прямиком из 2017-го.

Ефим Николаевич Сорокин, бывший спецназовец-сверхсрочник, повоевавший когда-то во второй чеченской, теперь частный предприниматель... Получается, что и предприниматель бывший.

Подвела меня тяга к небу, вернее, к прыжкам с парашютом. Надо сказать, что форму я старался поддерживать и в спецназовском спортзале, на ремонт которого выделил когда-то стройматериалы, и периодически наведываясь в подмосковный аэроклуб.

Я не так давно прикупил себе крыло фирмы PD-2. Симпатичной такой раскраски в цветах российского триколора. На этот раз тоже прыгал с ним.

Сиганул из Л-410 вместе с десятком парней и Маринкой, нашей отчаянной боевой подружкой. Не стал развлекать себя затяжным прыжком, раскрыл купол на полутора тысячах метров. И тут же меня насторожило, что вокруг никого нет. Ни ребят, ни Маринки, словно все вдруг чудесным образом испарились. Самолёт тоже пропал из вида, что было весьма странно – я его покинул менее полуминуты назад, и это всё-таки не скоростной истребитель, чтобы так внезапно исчезнуть из вида. Облаков тоже вроде бы прибавилось, хотя погода по-прежнему оставалась солнечной.

Недоумевая, принялся обшаривать глазами землю и ещё больше удивился, не узрев там ни людей, ни машин, включая мой «ниссан», где я оставил деньги и телефон, да и вообще местность как-то изменилась. Куда пропал домик, где сидело всё руководство аэродрома, включая диспетчера и начальника, и во дворе которого мы укладывали парашюты? Ох, что-то не нравится мне всё это!

Приземление прошло нормально, хотя и трава показалась мне выше и гуще, чем была раньше. А неподалёку, привязанная к столбику, паслась бурёнка, с интересом косящая глазом в мою сторону – что это, мол, за дядька с неба свалился?! Интересно, где же люди? Что вообще происходит?

Голова думает, а руки делают. Кое-как затолкал парашют в ранец и двинулся в сторону Ватулино, как называлась ближайшая к аэроклубу деревня. Она, кстати, тоже странным обра-

зом видоизменилась. Никаких современных материалов, некоторые дома вообще крыты соломой. Не успел войти, как был облаян шавками, а какой-то паренёк в закатанных штанах с криком «Шпион! Шпион!» порскнул прочь. Я пожал плечами, гадая, какие ещё открытия мне предстоят.

Они и не заставили себя ждать. Появился тот же пацан, рядом с которым вышагивал... Наверное, это всё же был милиционер, однако выряженный словно по довоенной моде: в подпоясанную широким кожаным ремнём белую гимнастёрку с петлицами в бирюзовой окантовке, в синие галифе, заправленные в начищенные до блеска сапоги, а его гладко выбритую макушку венчала фуражка с красным околышем. Вдобавок из кобуры выглядывала рукоятка револьвера. Они что тут, историческое кино снимают?

Я так его и спросил, мол, что за фильм снимаете? На что «ряженный» окинул меня недобрым взглядом, а его рука потянулась к кобуре.

– Кто такой? Документы, гражданин, предъявите.

– Вы извините, товарищ, но документы я в воздух не беру. Я их в машине оставил, и теперь вот не пойму, где машина и куда вообще все подевались?

– Товарищ?! Тамбовский волк тебе товарищ! А ну, руки вверх!

Глядя на направленный мне в грудь ствол модифицированного револьвера системы Нагана, я подумал, что шутка зашла слишком далеко.

– Слышь, мужик, ты хорош дурака-то валять! Кто у вас тут главный? Режиссёр не Михалков, случайно, может, он продолжение «Утомлённых солнцем» снимает? Так я могу кого-нибудь сыграть...

– Молчать! Руки в гору, сволочь!

Ого, а товарищ не унимается. Вон как рожа покраснела, глаза навывкат, губы дрожат, ещё и народ вокруг собираться начал, перешёптывания, в которых слово «шпион» звучало уже несколько раз, я прекрасно слышал. Дурдом какой-то!

Ну ладно, сам напросился. Ничего сложного делать не пришлось. Учитывая, что «милиционер» стоял ко мне вплотную, я сначала опустил на землю парашютный ранец, затем поднял руки, и тут же зажатый в левой шлемом рубанул по запястью его правой руки, в которой он держал ствол. Револьвер упал в пыль, охнувший вместе с зеваками «ряженный» потянулся было за оружием, но удар носком кроссовки под коленную чашечку заставил того со стоном свалиться мне под ноги. Я спокойно подобрал револьвер, тут же одна из баб завизжала, и народ кинулся врассыпную. Остался только беззубый старик с потухшей сигаркой во рту, в телогрейке и рваном треухе на голове, несмотря на августовскую теплынь.

«Милиционер» предпочитал лежачее положение, хотя вполне мог, думаю, стоять на своих двоих – не так уж сильно я ему зарядил. Ну и пусть лежит, целее будет. Кстати, револьвер-то небось со спилленным бойком, а если нет, то патроны наверняка холостые. Пиротехника киношная, как-никак. Как-то знакомый, без лишней афиши коллекционировавший боевое оружие, давал мне пострелять по банкам из точно такого же револьвера, так что какой-никакой опыт обращения с подобным оружием имелся. Я прицелился в ближайшее дерево, нажал на спусковой крючок, раздался выстрел... и от ствола отлетела крупная щепка. Кто-то снова завизжал, уже с той стороны дома, а я сам от неожиданности едва не присел. Ни хрена себе, вот тебе и холостые!

Единственный, кто сохранял полную невозмутимость, был тот самый старик в треухе. К нему-то я и направился.

– День добрый, отец!

– Ась?

– День добрый, говорю! Дед, это Ватулино?

– Ась?

– Я спрашиваю, это село Ватулино?

– Ась?

– Тьфу ты!

Вот же тетерев попался. В этот момент я заметил выглядывавшего из-за плетня того самого парнишку, что привёл милиционера. Поманил его пальцем.

– Слышь, пацан, это деревня Ватулино?

Парнишка вылез из-за плетня и, ковыряя пальцем в носу, бесстрашно приблизился.

– Ага, Ватулино... Дядь, а дашь револьвер поддержать?

– Дам, только сначала патроны выковыряю из барабана.

Ну вот, теперь пистолет без боеприпасов – просто железка. Хотя, может, у «милиционера» где-то заныканы запасные. Но пока он не рискует дёргаться, а я, под его взглядом, в котором смешались страх и злоба, даю револьвер поиграться парнишке. Не забыв предупредить, что оружие детям не игрушка.

– Слушай, мой юный друг, а что это у вас тут все так вырядились? – придержал я за шиворот собиравшегося удрать мальчика. – Кино, что ли, снимают?

– Не-а, кина тут нету. К нам в прошлом месяце приезжали кино показывать в клубе, «Чапаева» смотрели.

Однако... Как-то у них тут всё дремуче.

– У вас в клубе телефон есть?

– Ага.

– А где этот самый клуб находится?

– Да вон он! – указал он пальцем на высившуюся за селом церквушку.

– В церкви?

– Это раньше там церква была, а щас клуб.

Всё страньше и страньше... Ладно, пойдём разведем, что к чему.

Видно, слава бежала впереди меня, потому что навстречу мне никто не попался, и даже дворняги предпочитали облаивать с безопасного расстояния. В кармане джинсов в такт шагам весело позвякивали экспроприированные у «милиционера» патроны. Револьвер я вернул законному владельцу, бросив оружие рядом с ним в пыль, – чужого нам не надо.

Я на «ряженого» не оглядывался, у меня после Чечни развилось чувство, благодаря которому я ощущал направленный в спину ствол. А сейчас оно помалкивало, тем более патроны-то – вот они, в моём кармане.

Джинсы, кстати, не мешало бы простирнуть, от травы остались зелёные полосы. В отличие от некоторых своих коллег по парашютному спорту я предпочитал обычную джинсу и майку с длинным рукавом, если прыгать приходилось летом. Ну и шлем, само собой, отечественного производства «Matrix».

От околицы до церкви было метров сто. «Клуб крестьянского досуга имени Демьяна Бедного», – прочитал я намалёванные белой краской слова на красном транспаранте. Возле бывшей церкви о чём-то горячо спорили девица с парнем. Голова девушки была повязана красной косынкой. У парня, одетого в простенький костюм и рубашку с большим отложным воротником, на лацкане красовался значок Осоавиахим. Я расслышал слово «стреляли», видно, эхо выстрела сюда донеслось. Увидев меня, бодро вышагивающего со шлемом в руке и парашютным ранцем за спиной, они застыли как вкопанные.

– Здравствуйте, товарищи! – мило улыбнулся я, всем своим видом выказывая дружелюбие. Если девушка глядела скорее заинтересованно и ответила тихо «Здрасте», то во взгляде парня присутствовало напряжение. Похоже, придётся брать инициативу в свои руки. – Товарищи, мне сказали, у вас тут телефон имеется.

– Ну, имеется, и что с того? – наконец откликнулся обладатель осоавиахимовского значка.

– Позвонить бы.

– А вы, извините, кто такой будете?

Снова те же вопросы. Чем я их удивляю, собственно говоря? Это они меня удивляют. Ладно бы я, словно какой-нибудь хронопутешественник, провалился лет на семьдесят в прошлое... Постойте-ка! А ведь как ни фантастично это звучит, но многое могло бы объяснить. Я, конечно, читал в своё время и «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Твена, и «Машину времени» Уэллса, но это же просто литература! Красивые, но выдуманные истории о путешествиях во времени! Ладно, сейчас попробуем выяснить.

– Фамилия моя Сорокин, я из Москвы. Прыгал с парашютом, пока летел – всё странным образом поменялось. Словно в прошлое угодил.

– Как герой Марка Твена? – округлила глаза девушка.

Гляди-ка, не я один такой начитанный. Но нужно всё-таки выяснить моё времянахождение.

– Девушка, будьте так любезны, подскажите, какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот тридцать седьмой.

– Тридцать седьмой?!

Нет, я, конечно, ожидал чего-то подобного, но всё же её слова произвели на меня эффект подобно удару обухом топора по голове. Прилетело мне как-то в одной из драк ещё до армии, так что было с чем сравнивать. Услышав ответ девицы, я разве что на пятую точку не сел. Это что же получается, други дорогие, я и впрямь сорвался в прошлое аж на... дайте-ка посчитаю... на восемьдесят лет! Ну ни хрена себе расклад! Мать моя женщина, да за что же мне это?!

– Вам плохо?

– Что? А, это ерунда, сейчас пройдёт... А число какое? – поинтересовался я слабым голосом.

– 19 августа, четверг.

У нас в 2017-м это число на субботу выпадает, как-никак в аэроклуб я по субботам и заглядывал. Здесь же четверг, а не верить словам девушки повода не было.

Всё-таки негоже выглядеть барышней, падающей в обмороки при каждом удобном случае. В глубине души, конечно, теплилась надежда, что я стал жертвой чьего-то грандиозного розыгрыша, но очень слабая.

В этот момент из чёрного репродуктора-тарелки на столбе что-то захрипело, после чего диктор, точно не Левитан, с середины фразы начал рассказывать, что на юге и юго-востоке Польши вчера началась крестьянская забастовка. Закончил он сообщением, что установившийся в прошлом году в Испании режим Франко продолжает проводить репрессии против несогласных с диктатурой. Тысячи ни в чём не повинных испанцев брошены за решётку, многие, поддерживавшие свергнутых в результате военного переворота республиканцев, расстреляны... А затем в эфире объявили песню «Бей, барабан!» из только что вышедшего на экраны кинофильма «Остров сокровищ», и зазвучало бодрое:

Бей, барабан, походную тревогу,
Время не ждёт, товарищи, в дорогу.
Нас враг живыми не возьмёт,
Наш путь к победе приведёт,
Наша заря взойдёт...

Всё это время мы втроем стояли и, словно замороженные, слушали звуки из репродуктора, и только на песне я наконец встряхнулся. Не будучи по жизни подвержен приступам депрессии, решил не заморачиваться моральными терзаниями, а принять всё как должное и решать проблемы по мере их поступления.

– Товарищи, раз уж меня угораздило так влипнуть, то мне нужно встретиться с кем-то из... вышестоящих начальников.

– Можно пригласить председателя колхоза товарища Кондратьева, – предложила девушка. – Ой, а вы из какого года к нам попали?

– Оля, ты что, не видишь, это же немецкий шпион, – довольно громко прошептал ей на ухо молодой человек.

– Ой, – снова ойкнула девушка. – Ты думаешь, Олег?

– А ты что, всерьёз веришь его рассказам о машине времени?

Нет, я на его месте тоже, понятно, не поверил бы. Но поскольку я точно знал, что каким-то чудом угодил в прошлое, то просто сказал:

– Вот вы, товарищ, чушь несёте. И знаете почему? Да потому что любой шпион не стал бы прикидываться хронопутешественником. Он постарался бы замаскироваться под обычного советского гражданина, а не ходил бы по деревне с парашютом и в импортных джинсах.

– У нас село, – поправил меня Олег.

– Хрен редьки не слаще, – довольно бесцеремонно парировал я.

Ишь ты, Оля – Олег, свела судьба двух почти тёзок. Только одна ко мне всей душой, а второй – всем задом, то есть шпиона в незнакомце подозревает. Опять же, на его месте мне в голову тоже закрались бы аналогичные мысли. Время такое.

А я же со своими знаниями могу предупредить того же Сталина о готовящемся нападении фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 года. Главное – добраться до Секретаря ЦК ВКП(б), так, кажется, сейчас называется его должность. Если, конечно, не считать разного рода прозвищ типа Кобы или неофициального титула Вождь народов.

– Стоять! Стоять, сука! Руки!

Опа, снова нарисовался давешний милиционер. Теперь уже, пожалуй, можно и не закавычивать, видно, страж порядка самый что ни на есть настоящий.

– Товарищ Дурнев, у нас тут шпион вроде бы, – пытается вставить реплику Олег.

– Без тебя знаю, – зло отвечает лысый, направляя на меня ствол револьвера.

У него что, всё же запасной барабан? Проверять это на своей шкуре совершенно не хотелось, поэтому я решил принять всё как данность. Теперь Дурнев держался от меня подальше, помнит, чем в прошлый раз закончился неосторожный подход к моей персоне. Ну и фиг с ним. Надеюсь, хватит ума не выстрелить, а сдать «шпиона» куда следует. Там-то и разберутся, что к чему. Теперь придётся как-то встраиваться в существующую модель времени, пытаться выжить в столь интересную и беспокойную эпоху.

По команде милиционера Олег мне скрутил за спиной бечёвкой руки, причём так, что я легко мог бы освободиться. Но решил не делать этого до поры до времени. Затем меня обыскали, найдя лишь висевший на шнурочке маленький серебряный образ с моим покровителем – Георгием Победоносцем.

– Верующий? – поинтересовался Дурнев.

Я промолчал, не посчитав нужным отвечать на этот вопрос. Милиционер, впрочем, не настаивал.

Затем уже под тревожную увертюру из фильма «Дети капитана Гранта» я был усажен в телегу, которой «рулил» молчаливый мужик, и под конвоем Дурнева препровождён в райотдел НКВД. Дорога заняла чуть больше часа.

Местный начальник по фамилии Козлов с виду казался довольно дружелюбным, хотя первым же делом поменял верёвку на наручники – прообраз наручников будущего, из которых, впрочем, освободиться было не менее проблематично. С интересом меня расспросил, кто я и откуда, поинтересовался, во что это я одет, полюбопытствовал насчёт марки конфискованных у меня парашюта с запаской и шлема, хмыкнул, покачал головой, всё зафиксировал, при этом

не выказав какого-либо удивления, словно ему каждый день приходится общаться с путешественниками во времени. Затем велел своему помощнику вывести меня в коридор.

– Может, в кутузке посидит?

– Там битком, нечего с ворюгами и алкоголиками нары делить, – высказался Козлов. – Тем более, я думаю, недолго ему у нас куковать.

В коридоре на лавочке в рядок сидели какие-то понурые граждане, для которых я не представлял особого интереса. От нечего делать стал прислушиваться к происходящему за дверью. Сюда доносился только глухой бубнёж начальника, чётко я расслышал лишь последнюю фразу:

– Так точно, товарищ Реденс!

Ни о чём не говорящая фамилия. Вот если бы прозвучало «товарищ Берия»... Как-то некстати вспомнился стишок, который я и пробормотал вслух:

Сегодня праздник у ребят,
Ликует пионерия!
Сегодня в гости к нам пришёл
Лаврентий Павлыч Берия!

По-моему, там было продолжение, что-то о Мингрельце Пламенном, только я его не помнил. Да и тычок конвоира в плечо дал понять, что не время для стихотворных потуг. Тут в коридор выглянул начальник отдела:

– Сидите? Это хорошо, – и снова скрылся в кабинете.

А примерно через час, когда солнце уже клонилось к закату и мне всё это стало порядком надоедать, во дворе раздалось тарахтение. Сквозь запылённое окно можно было разглядеть, что это чёрная эмка, в которой я без труда опознал классический воронок. С переднего пассажирского сиденья выбрался перехлёстанный ремнями чекист с планшетом на одном боку и кобурой на другом. На заднем сиденье я разглядел ещё двоих, которые, выбравшись из машины, дружно закурили. Проходя мимо по коридору, вновь прибывший бросил на меня равнодушный взгляд и скрылся в кабинете. Через минуту вышел, застёгивая планшет, вместе с местным начальником.

– Кулёмин, отконвоируешь задержанного к машине товарища Шляхмана.

Значит, этот крутой перепоясанный и есть Шляхман.

Меня усадили на заднее сиденье, промеж двух амбалов, от которых несло смесью табака и чеснока. Хорошо хоть, наручники догадались перецепить спереди, иначе я всю поездку ощущал бы серьёзный дискомфорт. В багажное отделение закинули вещдоки. Шляхман ограничился лишь одной фразой: «Поехали» – и затем всю дорогу до Москвы молчал. Это молчание и его, и его подручных меня слегка нервировало. И было оно таким гнетущим, что я даже не сделал попытки завязать разговор.

Ну а чего дёргаться раньше времени? С моими показаниями этот крендель наверняка ознакомился, ничего нового я ему не скажу. А так-то меня интересует, что со мной станет дальше и как обстоит дело в будущем без меня. Прежде всего, с моим бизнесом. В качестве наследника я ещё год назад указал своего сына, который сейчас переходил на третий курс МГУ. Почему не жену? Потому что её нет, разбежались мы четыре года назад после того, как я застукал благоверную в постели с другим мужиком. Что удивительно, таким задохликом, что даже мारаться о него не стал, просто пинками выгнал на январский мороз в чём мать родила. А жене сказал, что не жена она мне больше. Тот задохлик, кстати, в её жизни, насколько я знаю, больше не появлялся, но со своими вполне ещё товарными внешними данными и моими отступными она нашла себе какого-то бизнесмена и сына, зараза, увела с собой.

Однако, поступив в универ, Димка решил жить отдельно, хотя вроде бы отчим относился к нему неплохо. Во всяком случае, так мне докладывали общие знакомые, поскольку с бывшей я не общался, а сын в силу возраста с родителями не откровенничал, разве что с бабушкой у него были доверительные отношения. И я стал оплачивать ему съёмную квартиру в Кунцево, причём заплатил за год вперёд. Мой адвокат Жорик, по идее, человек проверенный, все бумаги тем более были заверены у нотариуса. Но что-то грызла меня какая-то жаба, что-то не давало покоя...

А вот и Москва! Теперь-то я не сомневался, что угодил в прошлое, такие декорации даже Сергею Бондарчуку было бы не под силу организовать. Многие здания были знакомы, но попадалось достаточно и неизвестных строений. Немало улиц было закатано в асфальт, но хватало и булыжных мостовых, а одна из улочек оказалась покрыта досками. На Ленинских же горах вместо высотки МГУ, в которой через восемь десятилетий будет учиться мой сын, скопище деревянных построек.

Мысли вновь вернулись к родным и друзьям, оставшимся в 2017-м. И за думами я не заметил, как уже в сумерках мы завернули во двор страшного в эти годы дома на Лубянке.

– Выходи, – вернул меня в действительность толчок локтем в бок.

Меня отконвоировали в какое-то подвальное помещение без окон. Из всей обстановки – стол с лампой, привинченный к полу ножками табурет и стул для следователя. Меня усадили на табурет, освободили руки, и мелькнула мысль, что всё ещё, может, образумится. Шляхман устроился напротив, распластав перед собой чистый лист бумаги и вооружившись пером. Рядом лежал протокол, написанный Козловым, включая опись конфискованного имущества.

– Фамилия, имя, отчество, дата рождения?

– Послушайте, вот же у вас есть мои показания, которые конспектировал начальник рай-отдела, зачем повторяться?..

– Фамилия, имя, отчество и дата рождения? – с нажимом и отдельно повторил следователь, не поднимая глаз от бумаги.

– Сорокин Ефим Николаевич, 12 декабря 1980 года.

– То есть вы продолжаете настаивать, что попали к нам из будущего? – Теперь уже взгляд направлен мне в переносицу.

– Да, продолжаю. А вы что, не верите? Я же могу рассказать, когда на нас немцы нападут...

– Молчать! Я тебе, гнида, слова не давал. Отвечать на конкретные вопросы!.. Итак, вы настаиваете, гражданин Сорокин, что родились в 1980 году?

Как он ловко с «вы» на «ты» переходит и обратно, только что ярился, и тут же снова воплощение спокойствия. Ай да Шляхман!

– Да.

– Громче!

– Да, я родился в 1980-м. Вы меня что, всерьёз за шпиона принимаете?

– Рыков, – кивнул Шляхман своему помощнику.

В следующее мгновение мне прилетела такая мощная оплеуха, что, лишь вцепившись пальцами в табурет, я избавил себя от падения на холодный пол. В голове несколько секунд гудело, а затем во мне поднялась волна такой ненависти, что, невзирая на возможные последствия, я резко вскочил и зарядил апперкот не ожидавшему такой ответки Рыкову. Подручный следователя кулём осел на пол, а сам Шляхман уже судорожным движением расстегивал кобуру.

– Да ты... Ты что, сука! Я же тебя, гнида, на месте расстреляю!

– Расстреливай, – выдохнул я. – Да только и до тебя очередь дойдёт, как до многих твоих подельников. А на том свете я уж тебя достану, не сомневайся.

– Петров! Петров, мать твою!

Металлическая дверь распахнулась, и в проёме возник второй амбал, также с револьвером.

– Надень на него браслеты!

Я молча протянул руки вперёд. Сопротивляться двоим вооружённым людям было бессмысленно. Вернее, уже трём – Рыков понемногу приходил в себя после моего нокаута, шаря непослушными пальцами по кобуре.

– Руки назад, – рявкнул Петров.

Ладно, хрен с тобой, золотая рыбка. Завёл руки за спину, на запястьях тут же защёлкнулись наручники. К этому времени Шляхман малость успокоился. Вернув пистолет на место и заложив большие пальцы рук за ремень, он остановился напротив, буравя меня своими бесцветными глазёнками.

– А наш цветочек-то оказался с шипами... – задумчиво протянул он, покачиваясь с пятки на носок. – Кто же ты такой, Ефим Сорокин? Что не наш человек – понятно. Наш человек не будет ходить в иностранной одежде да ещё с иностранным парашютом в цветах царского флага. И по-нашему как ловко шпарит. Где ж это тебя языку-то так хорошо обучили?

– А я думаю, товарищ Шляхман, он из этих... из бывших, – подал голос Петров.

– Верно мыслишь, Петров. Судя по возрасту, вполне мог быть каким-нибудь кадетом, воевать на стороне белых, а потом сбежать во Францию от справедливого наказания. Ну а затем его завербовали и забросили на бывшую родину... Так на чью разведку работаем, гражданин Сорокин?

Я хранил гордое молчание. Ну а что толку доказывать, я свою версию уже озвучил. Не хочешь верить – дело твоё.

Короткий тычок в солнечное сплетение – и я ловлю ртом воздух.

– Так и будем упорствовать?

Ну а дальше по отработанной схеме... Что ж не покуражиться над беспомощным человеком? Когда тело уже ломало от боли, меня усадили на табурет и предложили снова покаяться, признавшись в подготовке покушения на товарища Сталина. Подняв глаза на Шляхмана, я плюнул ему в лицо:

– Да пошёл ты!

Тут же на меня вновь обрушился град ударов, и на этот раз после крепкой плюхи по затылку носком сапога я отключился.

Очнулся на полу от вылитого мне на голову ведра ледяной воды. Всё та же комната, всё те же лица. И очередной приступ сдерживаемой тошноты. Похоже на лёгкое сотрясение мозга.

– Гляди-ка, какой упорный, – разминая пальцы, удивлялся Шляхман. – Ну, у меня и не такие кололись. Сегодня мне некогда с тобой возиться, гнида, а завтра мы продолжим.

– Куда его, в нутрянку?

– Слишком много чести, чтобы во внутреннюю тюрьму сажать. Пусть в Бутырке обжигается, с уголовниками и прочей политической швалью. А завтра я приеду на допрос, и ты всё у меня подпишешь, сучонок!

Снова воронок, дорога до Бутырской тюрьмы словно в тумане. Стемнело уже окончательно, на Лубянке я провёл порядка двух часов. Пришёл в себя, когда меня перед заселением в камеру принялись обыскивать, заставив догола раздеться и не стесняясь даже заглядывать в задний проход.

– Это что? – ткнул надзиратель в образок на моей шее.

– Это моё распятие, Георгий Победоносец.

– Верующий? – второй раз за день услышал я этот вопрос.

– Умеренно.

– Серебро?

– Подделка, – сказал я, направляемый внутренним чутьём.

– Всё равно придётся снять, раз уж даже шнурки положено сдавать.

Ну не драться же с ними! Один хрен изымут, только ещё и синяков наставят. А оно мне надо?

– Только не потеряйте, – предупредил я, снимая Георгия.

– Не бойсь, он больше тебе, может, и не пригодится, – оптимистично хмыкнул надзиратель.

Затем с меня сняли отпечатки пальцев, сфотографировали фас и профиль, а врач провёл поверхностное освидетельствование, составив на меня медицинскую карту.

Потом мне вручили изжёванный матрас с подушкой и тощим одеялом, кусок хозяйственного мыла, алюминиевые тарелку, ложку и кружку, сменившие уже бог знает какого по счёту владельца, и препроводили в камеру, скудно освещаемую забранной в сетку лампочкой. Вытянутое помещение, заканчивавшееся зарешечённым окном, было рассчитано от силы на двадцать пять подсудимых, здесь же толпилось, пожалуй, больше полусотни бедолаг. Они тут в пересменку, что ли, спят? Кто лежит прямо на полу, кто сидит, кто просто стоит... Небольшой свободный пятёк только возле параша, занавешенной какой-то тряпкой, рядом ржавый умывальник, из такого же ржавого крана капает вода. Чёрт, ещё и вонь! Пахло немытым телом и, как мне показалось, смертью. Не смрадом разложения, а предчувствием близкого финала, который вроде бы и запаха не имеет, но именно так же пахло в том сарае, куда меня, раненного, затащили «чехи». Хотел я тогда, чтобы в плен не попасть, последнюю пулю оставить себе, но так удачно появилась передо мной оскаленная рожа какого-то ближневосточного наёмника, что я не без удовольствия нажал на спусковой крючок поставленного на одиночные АКМ. И с не меньшим удовольствием наблюдал, как на лбу бандита появляется красное пятно, а затылок взрывается красными брызгами, перемешанными с осколками черепа, волосами и мозговым веществом. Затем достал нож и собрался дорого продать свою жизнь, но пуля в плечо нарушила мои планы. Кость, к счастью, не задело, рана оказалась по большому счёту пустяковой, но меня повязали и отконвоировали в тот аул, в сарай, где держали пленных срочников.

Вот тогда, оказавшись вместе с такими же бедолагами, я и почувствовал запах смерти. Люди знали, что их ждёт. Периодически одного из них выводили во двор и перерезали глотку, снимая всё на видеокамеру. После чего отделяли голову от туловища, держали за волосы перед объективом видеокамеры и говорили, что так будет с каждым, кто пришёл на их землю с оружием. А останки сами же пленные и закапывали. Обычно брали двоих, вручали им лопаты и под конвоем отводили в ближайший лесок, хотя это скорее можно было назвать зарослями высокого кустарника.

От срочников я узнал, что их сдал чеченам их же командир, полковник Ивановский. Приказал по рации защищавшим блокпост парням сдать оружие, мол, он договорился с чеченским командиром, что их не тронут, если они позволят пройти отряду боевиков. Не тронули... Только в плен взяли и теперь вырезают, как баранов, поодиночке.

– Лучше бы я весь рожок в них выпустил да там бы и полёг, – с бессильной злобой говорил сержант Рюмин, глядя в одну точку остекленевшим взглядом. – Не хочу подыхать вот так, с перерезанной глоткой.

После одной из таких казней меня, уже более-менее оправившегося от раны, и как раз этого сержанта повели закапывать очередной обезглавленный труп. Мы же его и тащили – я ухватил тело под мышки, а Рюмин за ноги. Лопаты нам вручили на месте захоронения. Они были штыковыми и заточены прилично, а учитывая, что у меня имелись кое-какие навыки владения разными видами холодного оружия, я управился без лишнего шума. Слишком уж самонадеянными оказались наши конвоиры. А затем мы с Рюминым, вооружённые трофейными автоматами, вернулись к стоявшему на отшибе аула сараю и выкосили немногочисленную охрану. Одного, впрочем, раненного мной в бедро, я допросил. Выяснилось, что полковник Ивановский уже давно сотрудничает с полевыми командирами и за то предательство на

блокпосту получил на свой заграничный счёт пять тысяч зелёную. Выслушав показания, я, сильно не заморачиваясь, прирезал боевика так же, как он резал наших парней. Разве что голову оставил на месте. Не тащить же этого калеку по горам в качестве живого свидетеля.

Ну а освобождать пришлось только двоих – остальных к тому времени «чехи» уже пустили в расход. Вчетвером мы ударились в бег и спустя два дня блужданий по горам вышли к Аргуну. В тот аул на следующий день отправился хорошо экипированный отряд, а насчёт предателя доложили куда следует, надеясь на справедливое расследование. Каково же было моё удивление, когда через месяц в списке награждённых боевыми орденами и медалями я обнаружил фамилию полковника Ивановского! После этого я понял, что не хочу иметь никакого дела с армией, которой командуют продажные полковники и генералы, и уволился на гражданку.

И вот сейчас я вглядывался в лица тех, кто были современниками моих деда и прадеда, и видел в их глазах безнадёгу. За редким исключением эти люди ещё надеялись, что всё произошедшее с ними в последние дни – всего лишь ошибка. Что ТАМ разберутся и отпустят, да ещё, возможно, принесут извинения.

– Опа, новенький, – донеслось из задних рядов.

Лица практически у всех равнодушные, лишь некоторые посмотрели в мою сторону заинтересованно.

– Здорово всем! – сказал я, вспомнив нейтральное приветствие из когда-то прочитанного о правилах поведения новичков в камере.

– И тебе не хворать, – ответил протиснувшийся вперёд чуть прихрамывающий невысокий мужичок в потрёпанном пиджачишке. – Тебя как кликать-то, бедолага?

– Ефим. Ефим Сорокин.

– А меня можешь звать Костыль. И какую статью шьют?

– Без понятия. Предлагают записаться в шпионы.

– Ха, да тут полкамеры «шпионов» и «диверсантов», а остальные враги народа, – растянул в улыбке щербатый рот уголовник, в каковые я его сразу же записал. – А любопытный у тебя прикид, не по-нашему вон на штанах написано. Дипломат, что ли?

Хм, интересный вопрос. Можно и дипломатом прикинуться, только как долго смогу косить под работника заграничного посольства или консульства? А ну вдруг в этой толпе кто языками владеет, устроит мне экзамен? Я-то сам по-английски лишь с пятого на десятое могу общаться, но на дипломата такой уровень не тянет. С остальными языками и вовсе беда. Сказать, что был частным предпринимателем, барыгой? В эти годы барыгой можно было быть лишь подпольно, золотые времена нэпа уже прошли, насколько я помнил. А может, прикинуться каким-нибудь спортинструктором?

– Чё молчишь-то, Ефим Сорокин?

– Инструктором РККА был по рукопашному бою.

– Типа вроде как драться умеешь? – ощерился Костыль.

– Типа вроде как.

– А что, может, проверим?

– Рискнёшь? – криво ухмыльнулся я в эту наглую уголовную морду.

– А чё, ты меня за фрэера, в натуре, держишь? – И Костыль бесцеремонно схватил меня за отворот майки.

Вернее, попытался схватить, потому что я перехватил его руку и недолго думая заломил запястье, заставив слишком любопытного подследственного с перекошенной от боли рожей присесть на корточки.

– Никогда. Так. Больше. Не делай.

– Понял, бля, понял!.. Отпусти, бля, больно!

Я отпустил запястье и увидел, что на освободившееся пространство выперлись трое нехилых таких «жилицов», габаритами мало уступающих подручным Шляхмана.

- С-с-сука! – просипел Костыль, держась за запястье. – Ну всё, хана тебе, инструктор.
– Ну-ка заканчивай, Костыль, своё представление.

Вперёд выступил высокий короткостриженный мужчина с щёткой усов над верхней губой по нынешней моде в распоясанной гимнастёрке с оторванными петлицами. Сразу было понятно, что, прежде чем сюда угодить, он занимал серьёзный пост в армии или органах.

– Ты, комбриг, нишкни, а то и сам отхватишь, – кинул ему Костыль. – И твои бывшие заслуги тебе не помогут, будешь «метростроевцем» – под нарами копошиться, а жрать у парашаи.

Вот ведь, казалось бы, теснота такая, что и шагу лишнего не ступить, а умудрились моментально освободить пятак в несколько метров, может, чуть меньше классического ринга. Я находился в центре его, а подручные Костыля обступали меня с трёх сторон. Один из них, долговязый, поигрывал ножкой от табурета, ещё один, со шрамом поперёк рожи, сжимал в руке носок, набитый, кажется, песком, а их главарь – заточку, сделанную из ручки обычной ложки.

Отрабатывали мы и такие ситуации, причём с боевым оружием, так что в осадок я выпасть не стал, а лишь чуть поменял стойку, на что побитое на Лубянке тело отозвалось лёгкой болью. Не так уж и сильно меня покалечили палачи Шляхмана, чтобы я не смог отбиться от простых уголовников.

Первым меня атаковал обладатель деревяшки. Ну кто же так бьёт-то!.. Размахнулся, словно топором полено рубить собрался. Я даже, кажется, успел усмехнуться, прежде чем сделать полшага вперёд, сокращая дистанцию, и нанести опережающий тычок согнутыми в фалангах пальцами под мышку. Аккурат в нервный узел!

Движение заняло сотые доли секунды – с реакцией у меня всегда был порядок. Ножка от табуретки с глухим стуком покатила под ноги одного из зрителей, который испуганно отступил в сторону. Дальнейшая судьба самопального оружия меня не интересовала, потому что, не давая обезоруженному, чья правая рука повисла плетью, прийти в себя, я шлёпнул его ладонью по гортани. Отвернувшись от захрипевшего противника, рубящим ударом ребра ладони сломал ключицу следующему оппоненту, который, вопя благим матом от болевого шока, рухнул на колени. Третий малость замешкался, обозревая картину внезапного падения товарищей – оба со стонами корячились на полу. Этим замешательством я и воспользовался, на этот раз решив сделать всё не только эффективно, но и эффектно. Удар ногой в прыжке с разворота – самое то, когда нужно выпендриться, хотя в реальном поединке с равным соперником после такой «красоты» скорее тебя самого отправят в нокаут. Блоки, нырки и уклоны ещё никто не отменял, а также одновременную атаку противника, который находится в неустойчивой позиции.

Ну а у меня всё получилось как в учебном фильме: кроссовки даже без шнурков держались на ногах неплохо. И лежавший на полу в отключке уголовник прекрасное тому подтверждение.

– А теперь ты, Костыль, – с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего, сказал я, делая шаг в сторону главаря.

- Не подходи, сука, порешу!

Костыль выставил перед собой заточку, делая выпады в мою сторону, впрочем на безопасном пока для себя расстоянии. Я сделал ещё шаг, ещё... Мужик отступал, пока не упёрся спиной в находившийся под оконцем столик с парой табуреток, одна из которых была о трёх ножках. После этого бросил подпиленную ложку на пол и поднял руки, словно сдающийся в плен немец на кадрах военной кинохроники.

- Твоя взяла, – выдавил из себя Костыль, глядя на меня исподлобья.

Я подобрал с пола заточку, провёл по острому краю ногтем. Такой легко можно горло перерезать. Себе, что ли, оставить... А если обыск? На фига мне такие проблемы? Поэтому

кинул её и зашвырнул ногой под дальнюю шконку. А вот ножку я велел Костылю присобачить на место, чтобы порядочным людям было комфортно сидеть. Уголовник проглотил и это оскорбление, тем более что его подручные всё ещё приходили в себя. Те двое очухаются, а третьему, со сломанной ключицей, прямая дорога в больничку. Блин, может легко меня сдать, пусть даже это и потянет на стукачество, что наверняка не добавляет баллов в блатной среде. Но теперь уж что об этом думать: что сделано, то сделано.

– У твоего подельника перелом ключицы, пусть ему окажут первую помощь, – сказал я Костылю.

Ожёгши меня взглядом, тот принялся барабанить в железную дверь. Через несколько секунд открылся глазок.

– Чё за дела?

– Корешу моему плохо. С верхней шконки упал, ключицу сломал. В больничку к лепиле ему надо.

Глазок закрылся, а через несколько минут в двери провернулся ключ, и в камеру вошли два надзирателя в разных званиях, в которых я пока практически не разобрался.

– Э тот, что ли?

– Он, – кивнул Костыль.

– Слышь, идти можешь?

– Могу, – сквозь зубы ответил бедняга, держась за плечо.

– Тогда вперёд.

Дверь захлопнулась, и жизнь камеры вернулась в обычное русло.

– А вы молодцом себя проявили. Я и сам люблю побороться, успел даже изучить некоторые приёмы самбо, но такую манеру боя вижу впервые. – Ага, давешний комбриг нарисовался. Смотрит с симпатией, видно, местный авторитет всем успел порядком надоест.

– Комбриг Феликс Осипович Кржижановский, начальник пехотного училища. – Представляясь, он даже чуть щёлкнул каблуками, после чего протянул мне руку.

Рукопожатие было крепким, видно, и впрямь борьбой увлекается.

– Ну а я уже представлялся. Правда, не вам, а этому, – кивнул я на затихарившегося уголовника.

– Но мы все прекрасно слышали, что вы Ефим Сорокин, инструктор РККА по рукопашному бою, – улыбнулся Кржижановский. – Давайте присядем, что ли... Эй, товарищ, подвиньтесь чуток... А в каком звании, если не секрет, под чьим командованием?

Этак он меня сейчас втянет в расспросы, так что я сам запутаюсь. Не зная местных реалий, довольно легко попасть впросак.

– Не спрашивайте, военная тайна, – понизив для солидности голос, сказал я. – Служба в секретном подразделении не предполагает широкой огласки.

– Понял, – так же тихо ответил комбриг и перешёл на другую тему: – Вас били?

– Было дело. Не то чтобы сильно, но завтра обещали продолжить.

– А меня ещё нет, но угрожали, требовали написать донос на самого себя, что я якобы являюсь врагом народа и провожу на своей должности вредительскую деятельность. Какая чушь! Мне бы только до товарища Сталина добраться, уж он бы разобрался.

– И как вы собираетесь добираться?

– Моя супруга должна позвонить товарищу Молотову. Может, даже и он сможет решить мой вопрос, разобраться с этой глупой ситуацией.

– Почему же глупой? Тысячи командиров и сотни тысяч простых, также ни в чём не повинных людей были уже расстреляны или оказались в лагерях. Хотите сказать, что это была ошибка, что советское руководство ошибается?

Комбриг отстранился от меня, в его взгляде появилась настороженность.

– А откуда вы взяли эти цифры?

Вот блин, народ-то тут, похоже, и не в курсе.

– Методом простого подсчёта, используя арифметическую прогрессию. Где-то знакомого арестовали, где-то в газете напечатали, по радио сказали... Вот и прикидываешь, сколько могло набежать в общей сложности. И цифры получатся серьёзные, поневоле задумаешься, не по ошибке ли людей под одну гребёнку метут?

– Советское руководство не может ошибаться, – покачал головой комбриг. – Только виновные несут заслуженное наказание.

– То есть вы считаете себя виновным? Нет? Но ведь ошибки быть не может, сами же только что об этом сказали.

– Ну... Может, за редким исключением.

– Поверьте, каждый оказавшийся на вашем месте считает, что именно с ним ошиблись и что правда восторжествует. Только когда их ведут по расстрельному коридору, они начинают понимать, что дело пахнет керосином. Да только уже всё, поздно пить боржоми, если почки отвалились. Так что оставь надежду, всяк сюда входящий, – процитировал я фразу из Данте, которая позже приглянется руководству какого-то фашистского концлагеря. – Кстати, как часто у вас тут кормят? А то с утра не евши, кишка кишку грызёт.

– Ужин уже был, теперь только утром, – пробормотал взгрустнувший после моей отповеди комбриг. – Но ведь есть же случаи, когда ошибка выяснялась и человеку возвращали свободу, звание...

– Один на тысячу? Может, и есть, если заступается кто-то из больших начальников. Так что будем лелеять наш шансик на заступничество. А по-хорошему все эти репрессии – государственная доктрина. Трудно понять, чего добиваются Сталин и... и Ежов. – Насчёт фамилии нынешнего наркома внутренних дел я мог и заблуждаться, всё-таки Ягода, Ежов и Берия как-то шустро меняли друг друга и даты их пребывания во главе наводящей на простых граждан ужас организации стёрлись в моей памяти. Но, к счастью, с фамилией Ежова я, кажется, угадал, потому что моя фраза не вызвала у собеседника удивления и тем паче подозрения. – Но за несколько лет репрессий поменялся практически весь командный состав РККА и НКВД. Причём убирают профессионалов, а назначают порой малограмотных выскочек, – почти цитировал я по памяти вычитанное когда-то в периодике. – Вы же, наверное, и в Гражданскую повоевали?

– Так точно, и даже империалистическую захватил. Служил в звании подпоручика.

– Видать, и это припомнили? Молчите? Значит, припомнили.

– Но в Гражданскую я был красным командиром!

– Это уже мало волнует тех людей, которые решили отправить вас сюда. Вполне вероятно, донос на вас накалал какой-нибудь ваш заместитель, метящий на ваше место.

– Егоров? Нет, что вы, он точно не мог.

– Ну, может, правда когда-нибудь и вскроется, но не факт, что вы уже будете в состоянии отомстить негодяю. В лучшем случае отделаетесь лагерями, хотя и там есть шанс протянуть ноги. Ещё не подписали признательные показания?

– И не буду! Почему я должен клеветать на самого себя?!

– Будете. Никто ещё не выдерживал их пыток... Опять же, за редким исключением. Говорите, вас ещё не били? Вот как начнут бить, так сразу вспомните мои слова... А у вас тут, кстати, как спят, в пересменку?

– Да, по очереди, мест на всех не хватает. Но вы новенький, после допроса, думаю, вам уступят.

В общем, определились с местом моего ночлега, и вскоре, несмотря даже на тусклый свет из-под потолка лампочки в пятнадцать свечей, я провалился в первый свой сон в прошлом.

Глава 2

То ли снилось что-то, то ли нет... Утром, когда раздался стук в железную дверь, возвещающий о прибытии утренней баланды, которую блатные обзывали шлюмкой, я всё ещё сладко дрых, аки невинный младенец. Впрочем, таковым и являлся, как и большинство несчастных, оказавшихся со мной в одной камере Бутырки. Не обращал даже внимания на «парашютистов», то бишь клопов, изрядно покусавших свежее тело. Проснулся, когда меня кто-то легко потрепал за ногу. Оказалось, давешний комбриг.

– Я в вашу посуду каши взял, правда, она уже остыла.

Пшёнка и мутный чай. Не мой привычный завтрак с тостами и кофе, но я так проголодался, что и совсем чуть-чуть подсолённую кашу на воде схомячил за один присест да ещё и ложку облизал до состояния идеальной чистоты.

Пока ел, Кржижановский негромко проинформировал, что всю ночь он и ещё один товарищ, бывший военный инженер Куницын, присматривали, чтобы уголовники чего со мной во сне не учинили. Комбриг даже подобрал брошенную мной заточку. Но Костыль и его поредевшая банда никаких инсинуаций в мой адрес не предпринимали. Пока, во всяком случае.

Кстати, в камере имелось ещё несколько уголовных элементов, но те были мелкими сошками, сами побаивались Костыля и старались от него как-то дистанцироваться, кучкуясь собственной компанией. Это хорошо, иначе, объединись они с костылёвскими, мне и моим новым товарищам пришлось бы тяжело.

– Тогда давайте меняться, – сказал я. – Вы ложитесь на моё место, а я буду за вами приглядывать... Нет-нет, заточка мне не нужна, оставьте себе, я и без неё справлюсь, если что.

Тем временем за столиком у окошка Костыль и его два подельника, опасливо косясь в мою сторону, курили в круг самокрутку и играли в карты. Святцы – всплыло в памяти жаргонное название игральных карт. Да, теперь придётся их запоминать, словечки-то блатные, могут и пригодиться. Если, конечно, не расстреляют, чего мне категорически не хотелось бы.

Делать было нечего, почему бы не продумать линию поведения на грядущих допросах? Шляхман обещался сегодня наведаться, и предчувствие этой встречи поселило в моей груди неприятный холодок. Бить будут однозначно, но и помимо этого у нынешних палачей богатый арсенал. Кое-что из когда-то прочитанного о методах допроса в годы репрессий отложилось в моей памяти, и эти знания оптимизма мне не прибавляли.

Может, сразу сознаться, не дожидаясь, пока сделают инвалидом? Один хрен напишут сами всё за меня, если уж приспичит. Просто, наверное, этому Шляхману по кайфу заставить меня сдаться, сломаться, доказать саму себе и своим подручным, что он крутой следак. Мда, положение – не позавидуешь. Почему не закинуло в XIX век, например, или вообще во времена Владимира Мономаха? А лучше – во времена хрущёвско-брежневской «оттепели», там точно было бы полегче. А теперь в лучшем случае лагерем отделаешься – что-то не очень обрадовался Шляхман известию о моём прибытии из будущего. Тем более какой-то Реденс там фигурировал, видно, он и дал команду этому следователю с нерусской фамилией взяться за меня со всей ответственностью. То есть до товарища Сталина мне, судя по всему, не добраться. Хотя не факт, что и он мне поверил бы. Чего доброго, вообще дал бы приказ расстрелять. Нет человека – нет проблемы.

– Череп, бороду шьёшь, – донёсся до меня голос Костыля.

Я повернул голову. Это он к лысому подельнику, похоже, обращается, который тут же растопырил пальцы:

– Костыль, ты чё?! Чё за гнилой базар, в натуре?

– Думаешь, я не просёк, что у тебя бубновый туз в шкерах заныкан?

– Гонишь, нах! На, гляди, где туз?!

И картинно задрал штанины, обнажая волосатые ноги, обутые в стоптанные ботинки без шнурков. Неизвестно, чем бы у них там всё закончилось, но в этот момент распахнулась входная дверь, и нарисовавшийся в проёме надзиратель крикнул:

– Сорокин, на выход!

В груди неприятно кольнуло и, к моему удивлению, вместе со мной к двери направился ещё один мужичок.

– Сорокин Ефим, – уточнил надзиратель.

Понятно, это мой однофамилец рванулся. Я был бы, честно говоря, не против, если бы вызвали не меня, но и мой однофамилец, услышав имя, облегчённо вздохнул. Ладно, бедолага, буду отдуваться за нас двоих. А второму Сорокину я порекомендовал приглядеть за всё ещё спавшим Кржижановским. Мол, если что – толкай комбрига, а ежели не углядишь, вернись и спрошу по полной. Мужичок закивал, обещая всё чётко выполнить.

На этот раз обошлось без наручников. Странно, в прошлый раз я продемонстрировал, что меня лучше не трогать, поскольку могу дать сдачи. Откуда такая самоуверенность?

В комнате для допросов я обнаружил не только Шляхмана с обиженным на меня Рыковым, но и какого-то сотрудника НКВД, сидевшего в сторонке, нога на ногу. Исходя из моих скромных познаний, три ромба в петлице соответствовали званию комиссара госбезопасности какого-то там ранга. В любом случае званием он был повыше моего следователя, потому что Шляхман поглядывал на него уважительно. Внимание привлекали и наколки на его руках, особенно якорь на правой. Из моряков, что ли... Небось был каким-нибудь анархистом.

– Ну что, Сорокин, подумали?

– Над чем, гражданин следователь?

– Над тем, стоит ли признаваться в антигосударственной деятельности. Троцкизм или шпионаж? А? Что молчите? Кстати, мы тут потрясли кое-какие архивы, отыскали трёх Ефимов Николаевичей Сорокиных примерно вашего возраста, однако ни один под внешнее описание не подходит. Так как ваша настоящая фамилия?

Мне это уже начинало надоедать. Всё по кругу, решили, видимо, измором взять. Как-то мне довелось проходить в числе подозреваемых в деле со смертью делового партнёра. Там тоже следак попался дотошный, всё предлагал мне взять вину на себя. Мол, в организме покойного обнаружен сильнодействующий яд, а его смерть вам была выгодна по ряду причин. Признайтесь – и получите минимальный срок. Не уболтал, тем более что я действительно никого не травил. Потом выяснилось, что его на тот свет отправила собственная жёнушка, заподозрив в измене. А вот возьми я вину на себя – и чалился бы по «мокрой» статье, пусть даже с минимальным сроком. И бизнесу моему пришёл бы трындец, и пятно на биографии на всю жизнь.

– Сорокин моя настоящая фамилия, Ефим Николаевич. И от своих прошлых показаний я не отступлю.

– А почему в камере представились инструктором РККА? Да ещё и подследственному Фомину ключицу сломали.

– Может, я и есть инструктор РККА и служу в секретном подразделении? Настолько секретном, что не имею права разглашать сведения о себе.

– А вы интересный фрукт, – наконец произнёс сидевший в тени незнакомец. – Позвольте представиться: первый заместитель наркома внутренних дел СССР Михаил Петрович Фриновский.¹ Я тут, честно говоря, немного по другим делам заезжал, но встретил Василия Иосифовича, который рассказал мне о вашем случае. И он меня заинтересовал. Не каждый день к нам попадают путешественники во времени, так что решил заглянуть на допрос. Конечно,

¹ С падением Г. Г. Ягоды и назначением 26 сентября 1936 г. наркомом внутренних дел Н. И. Ежова уроженец села Наровчат Пензенской губернии Михаил Петрович Фриновский 16 октября 1936 г. назначен заместителем наркома внутренних дел СССР. С 15 апреля 1937 г. Фриновский являлся первым заместителем наркома внутренних дел СССР и возглавлял Главное управление государственной безопасности НКВД СССР. Один из организаторов Большого террора.

в фантастические истории такого рода поверить достаточно трудно, но, что интересно, даже по отпечаткам пальцев следствию пока не удалось выяснить ваше прошлое. Словно и в самом деле прибыли из XXI века. Кстати, как там, в будущем? Через сколько лет коммунизм установится на планете?

Издевается, что ли, или впрямь интересуется? Во всяком случае, по его непроницаемой роже трудно было определить.

– Хотите правду? Что ж, слушайте.

И вкратце рассказал, что через четыре года на СССР без объявления войны нападёт фашистская Германия. Что самая кровопролитная война в истории продлится почти четыре года и мы потеряем 20 миллионов людей. Однако Советский Союз восстанет из руин и станет одной из сильнейших держав в мире, во многом благодаря своему ядерному статусу, а нашим главным соперником будет ещё одна ядерная держава – Соединённые Штаты. Что в странах Восточной Европы установится социалистический строй. Что в 1953-м не станет Сталина, а ему на смену придёт Хрущёв, который тут же возьмётся за развенчание культа личности вождя народов и реабилитацию невинно репрессированных (ну извини, Никита Сергеевич, ежели я тебя подставил). О расстреле Берии, как и о высшей мере его предшественнику Ежову, я решил умолчать, мало ли... Что затем Хрущёва сменит Брежнев, это будут самые спокойные годы в истории СССР. Пусть «эпоха застоя», однако многие мои современники пенсионного возраста, да и некоторые помладше, не отказались бы в неё вернуться.

Что в середине 80-х Горбачёв затеет перестройку, которая станет началом конца моей страны, а довершит всё Ельцин. Наши бывшие союзники по соцлагерю тут же перевернутся на сторону новых, западных «друзей». И Россия, которая скатится до состояния страны третьего мира, реально станет колоссом на глиняных ногах, и лишь наличие ядерного арсенала всё ещё будет оставаться сдерживающим фактором.

– А затем Ельцина сменил выдвиженец силовых структур Владимир Путин, и страна начала укреплять свои позиции на международной арене. На момент моего попадания в это время Путин был у власти, почитай, семнадцатый год, если не считать четыре года символического нахождения в роли Председателя Правительства Российской Федерации, когда он всё так же, по существу, управлял страной.

На какое-то время в допросной воцарилась тишина. Я даже слышал раздающиеся за дверью шаги надзирателя.

– Да-а, интересные вещи вы нам рассказали, гражданин Сорокин, – нарушил молчание Фриновский. – Записал всё, Шляхман? Что же это, выходит, товарищ Сталин устроил культ личности? И якобы невинных людей велел расстреливать и ссылая в лагеря?

– Не все из них, конечно, были невинными, но сотни тысяч пострадали ни за что. Если верить нашим историкам, – тут же добавил я.

– Историкам, значит... Ну-ну.

Фриновский поднялся и, заложив руки за спину, остановился в метре от меня. Мне пришлось глядеть на него снизу вверх. Ничем с виду не примечательное лицо чуть полноватого человека с короткой стрижкой. Вот только в глазах сквозил такой металл, что я словно почувствовал исходящий от этого человека могильный холод.

Не успели в моей голове промелькнуть все эти мысли, как короткий боковой удар в скулу отправил меня на цементный пол. Ох ты ж ни хрена себе, ударчик-то у этого козла поставленный. А под глазом, чувствую, уже наливается гематома. Медленно поднявшись, посмотрел на как ни в чём не бывало стоявшего в прежней позе Фриновского.

– Вот как с такими надо, Шляхман, а ты всё политешься разводишь, – процедил заместитель Ежова, не сводя с меня ледяных глаз. – Он тебе тут сказки рассказывает, а ты и уши развесил. Я этих паскуд за версту чую, ещё с революции, и ставил к стенке без всяких рассусоливаний.

Я слушал его и думал: врезать сразу в ответку или обождать? Они-то привыкли иметь дело с безропотными подследственными, а я молча терпеть насилие над собой не намерен. И по хрен, что отметелят до потери пульса, зато будут знать, как поднимать руку на российского спецназовца.

– Виноват, товарищ заместитель народного комиссара! – вытянулся в струнку следак.

– Виноват... Разучился допросы вести? Я по его морде вижу – засланный казачок.

И без предупреждения – ещё один удар. Впрочем, на этот раз я уже ждал такой подлянки, а потому в последний миг уклонился и, не мудрствуя лукаво, зарядил Фриновскому в печень. Тот, выпучив глаза и глотая ртом воздух, стал медленно оседать на пол. Не успел я осознать сам факт того, что применил физическое насилие к самому заместителю народного комиссара, как мне сзади прилетело по почкам.

Хорошо так прилетело, в глазах тут же потемнело, и мне уже стало не до угрызений совести. Затем я ощутил себя вновь лежащим на холодном полу, а мои многострадальные бока в это время отбивали чьи-то сапоги. Я лишь постарался принять позу эмбриона, чтобы хоть как-то снизить эффективность ударов.

– Ладно, хватит, а то сдохнет прямо здесь, – услышал я голос Фриновского. – Сорокин, встать!

Я, пошатываясь, кое-как принял вертикальное положение, вытирая рукавом футболки сочащуюся из носа кровь. Неплохо меня обработали, неплохо... Кажется, ещё и по зубам досталось. Вроде не выбили, но надо будет потом произвести ревизию состояния моих многострадальных зубов.

– Давай его в камеру, и будешь мне лично докладывать, как идёт следствие, – обернулся Фриновский к Шляхману.

Последний распорядился, и меня, нетвёрдо стоявшего на ногах, отконвоировали. Голова кружилась, мутило, и хотелось в этот момент только одного – чтобы сознание отключилось и не возвращалось как минимум в течение ближайших десяти часов. Но, как назло, в забытье упасть не получилось.

Тем временем чьи-то заботливые руки уложили меня на шконку, кто-то стал протирать влажной тряпкой кровоточащие раны, а в общем бубнёже я разобрал голос комбрига Кржижановского:

– Нельзя же так с человеком, пусть даже он и подозревается в шпионаже или вредительстве. Есть же закон!

– Ага, закон-то – что дышло, как поворотил, так и вышло. – Это уже вроде Костыль прорезался.

Блин, и на спине лежать больно, и на животе, и на боку. Слева, кажется, пара рёбер дала трещину – при глубоком вдохе болело немилосердно. Надеюсь, хоть не сломаны. Языком повозил во рту... Один нижний зуб чуть качается, остальные вроде ещё крепко держатся. Ну хоть спасибо, что без зубов не оставили. Гигиене полости рта я с детства уделял особое внимание, даже в чеченской командировке не расставался с зубной щёткой и зубочистками. Причём, по примеру некоторых голливудских персонажей, постоянно перекачивал одну зубочистку во рту. Второй день без зубной щётки меня немного смущал, и ещё неизвестно, когда она вообще у меня появится, хотя по сравнению с той переделкой, в какую я угодил, это было сущим пустяком.

– Ну чё, инструктор, отмахался? – снова Костыль. – Теперь ты в моей власти. Щас подумаем, как тебя лучше попользовать...

– Шёл бы ты отсюда, Костыль, подобру-поздорову, – охолонил его твёрдым голосом Кржижановский.

– Опа! Ты чё, комбриг, белены объелся, в натуре? Совсем страх потерял?

Повернув голову, вижу, как Феликс Осипович выпрямляется, оказавшись на голову выше настырного уголовника, чьи двое подельников разом напрягаются. Но вижу, что и вокруг комбрига начинает кучковаться народ с лицами, наполненными решимостью. Ага, а Костыль, оказывается, струхнул, глазки-то забегали.

– Ты что же, думаешь, мы тут так и будем терпеть твои выходки? – грозно вопрошает комбриг. – Не сумеем дать достойный отпор?

– Ладно-ладно, не кипешуй, комбриг, – стушевался Костыль. – Никто твоего кента трогать не собирается, это мы так, шуткуем.

И в сопровождении двух быков двинулся в «блатной угол». Фух, отлегло! Воспользовавшись моей беспомощностью, и впрямь могли сотворить со мной что-нибудь. Понятно, грыз бы глотки врагов зубами, но, так или иначе, сила сейчас на их стороне. И если бы не Кржижановский... Обязан я ему теперь, очень обязан.

– Спасибо, товарищ комбриг, – выдавил я.

– Да не за что, это вам спасибо, товарищ инструктор, что подняли ил со дна нашего болота, показали им вчера, где раки зимуют. А то, видишь ли, установили тут свои порядки... Я смотрю, вам сегодня крепко досталось.

– Да уж, так меня ещё не били. Рёбра, гады, поломали, почки тоже, похоже, отбили.

То, что почки отбитые, я убедился во время посещения параша, куда кое-как, не без помощи добрых людей, всё-таки добрался. Правда, нужду справлял за занавеской один. Без особой радости наблюдая за красноватой струей, с тоской думал, что же меня ещё ждёт? И похоже, ничего хорошего. Если уже после двух дней допросов такое со мной сотворили, то дальше будет только хуже. Если и до смерти забудут, то закопают где-нибудь на окраине Москвы в братской могиле и даже креста не поставят. Ох ты ж боже мой! За что меня так угораздило-то?!

Баландёр принёс обед: баланду с куском хлеба на брата, овсяную кашу с куском настолько просоленной селёдки, что жгло рот, и по стакану светлого чая. Кусок сахара выдавали отдельно, и многие предпочли припрятать его до лучших времён. А я кроить не стал, тут же опустил в ещё горячую воду. Не так же грызть, как некоторые. Чудо, что челюсть не сломали, удары у этого Фриновского весьма чувствительны. Хотя самым твёрдым из пайка помимо сахара был кисловатый хлеб, но и его можно размочить.

Невольно вспомнилось, как в детстве бабушка крошила мне хлеб в тарелку с молоком и я за обе щеки уминал эту тюрю. Эх, где ты, моё беспечное детство, которое уже не вернуть...

После обеда рядом со мной присел немолодой интеллигентного вида товарищ.

– Куницын Степан Порфирьевич, артиллерийский инженер, – представился он.

– Очень приятно, Сорокин, – пожал я протянутую руку.

– Хотел выразить вам свою признательность.

– За что?

– За то, что поставили на место этих уголовников.

– Ах вон вы о чём... Да не за что, рад, что пробудил ваше общество от спячки своим примером, – усмехнулся я. – И вам спасибо, что прикрываете меня теперь, когда я немного не в состоянии постоять за себя.

К нашей беседе присоединился комбриг. Как-то невольно они двое переключились на воспоминания, и Куницын спросил меня:

– А вы, Ефим Николаевич, сами-то откуда родом будете?

Блин, как бы ответить, чтобы не запалиться?.. Сам-то я из Подольска, но мало ли, вдруг здесь кто-нибудь тоже из подольских, начнут ловить на нестыковках. Всё-таки Подольск 2017-го и 1937-го – две большие разницы. Ладно, если что, сошлюсь на секретность.

– Из Подольска я.

– Из рабочей семьи?

– Отец у меня железнодорожник был, умер, а мать портнихой работала.

Тут я малость приврал. Отец у меня до выхода на пенсию был кадровым офицером, дорос до подполковника. А мать в политотделе служила машинисткой. Когда мне было три года, отца перевели служить в ГСВГ,² куда он полгода спустя привёз и нас с матерью. Там я вполне сносно насобачился шпыхать на языке аборигенов, это знание мне пригодилось годы спустя во время контактов с немецкими бизнесменами. В 1989 году в рамках объявленного Горбачёвым плана одностороннего сокращения Вооружённых сил СССР из Западной группы войск был выведен и расформирован в том числе и десантно-штурмовой батальон под командованием моего отца. Мы осели в Подмоскowie, а через два года батя вышел на пенсию.

К счастью, после этого вопросы о малой родине закончились, и мы начали обсуждать наше будущее. Оба моих собеседника были уверены, что следователи во всём разберутся и вскоре они окажутся на свободе и будут восстановлены в правах и званиях.

– Наивный вы народ, – покачал я головой. – Не хочу пугать, но отсюда вас вряд ли выпустят. Либо расстрел, либо, в лучшем случае, лагерь.

– Опять вы за своё, товарищ Сорокин, – вздохнул Кржижановский. – Ну нельзя же быть настолько пессимистичным, нельзя же так категорично не верить в справедливость!

– Действительно, – присоединился артиллерист. – Я вчера невольно подслушал ваш разговор и кое в чём вынужден не согласиться...

– Я вас понимаю, – предвосхищая аргументы собеседника, перебил я. – И не собираюсь вас переубеждать. Просто, когда вам зачитают приговор, вспомните наш разговор.

Между тем Костыль со товарищи затеяли чифирь. Делали они его оригинально. Приоткрыли окошко, под которым на полу развели самый настоящий костерок из тряпок и газет, пристроили на него кружку с водой и, когда вода закипела, бросили в неё несколько щепоток чёрного листового чая, хранившегося в плотной бумаге. После закипания сняли с огня, накрыли сверху доньшком другой кружки. Сняли её через пятнадцать минут, и по «хате» поплыл характерный запах.

Уголовники пили напиток по очереди, заодно пуская по кругу самокрутку, видно для усиления воздействия. Курить я пробовал ещё до армии, не понравилось, так и не научился. А вот крепкий чай уважал, научился пить его в Чечне и, предложи мне Костыль сейчас хлебнуть чифиря, может, и не отказался бы.

– На прогулку! По двадцать человек.

Дверь со скрипом отворилась, и первая группа во главе с Костылём и его поделеньками отправилась дышать свежим воздухом. Я от прогулки отказался, и мои новые знакомые ушли гулять без меня. Ещё одним, кто не пошёл на прогулку, был лётчик Ян Рутковский, вернувшийся весной из Испании. Он лежал по соседству, у него после избиения на допросе с неделю назад отказали ноги, вернее, он передвигался, но маленькими шажками, как я недавно до параша. И тоже всё началось с отбитых почек. Как бы и самому преждевременно не стать инвалидом. А в медсанчасть его почему-то не переводят. У-у, звери!

Глядя на этого молодого здорового парня, я его искренне жалел. Вся-то вина лётчика была в том, что, вернувшись из испанской «командировки», он раскритиковал конструкцию наших истребителей. Вот буяна и уекли сюда, и дальнейшая его судьба не выглядела особо весёлой. Если в СИЗО не загнётся, скорее всего, загнётся в лагере. А то и расстреляют за антисоветскую агитацию, которую ему инкриминируют, где-нибудь в подвальном коридоре.

Делать было нечего, время спрессовалось в одну вязкую, как кисель, субстанцию. По праву больного меня никто из сокамерников не тревожил, и я мог хотя бы насладиться лежанием на жёстком матрасе, разглядывая нацарапанные на стенах надписи. Тут, судя по всему, не красили стены с дореволюционных времён. Глаза, один из которых был прилично затёкшим,

² ГСВГ – Группа советских войск в Германии.

натыкались на даты, самая старая относилась к 1897 году. «Гога из Тифлиса – 1897», а чуть ниже те же цифры и надпись, сделанная грузинской вязью. Нацарапать, что ли, ради смеха – «Здесь был Ефим Сорокин, родившийся в 1980 году, в год проведения Московской олимпиады»... То-то сидельцы затылки будучи чесать.

Периодически кого-то вызывали на допрос, кто-то возвращался изрядно побитым, а двое из вызванных и вовсе не вернулись, и этот факт не внушал мне и другим оптимизма.

Настало время ужина. Блатные, как обычно, кучковались на примыкающих к окну нарах, и я заметил, что они там о чём-то перешёптываются, изредка бросая взгляды в нашу сторону.

– Затевают какую-то пакость, – негромко проинформировал я комбрига. – Ночью нужно быть готовыми ко всему.

– Установим поочерёдное дежурство, – также тихо ответил Кржижановский. – Нас уже несколько человек набирается из военных, да и остальные из сочувствующих, так что дадим вам отоспаться, справимся своими силами.

Как и вчера перед сном, свет выключили где-то часов в одиннадцать вечера, и камера погрузилась в темноту. Слабый луч лунного света, падавший в зарешечённое оконце, и тлеющий красным кончик папиросы из блатного угла – вот и всё освещение. Хорошо хоть, фрамугу приоткрыли, а то бы вся камера провоняла табаком. Запасы махорки у них, наверное, солидные, небось кореша с воли передают.

Сон не шёл. Сокамерники ворочались, что-то бормотали, разговаривали... Правда, постепенно всё же затихали. О том, сколько прошло времени после отбоя, можно было только догадываться. А мне всё равно не спалось. Ныли побои, в боку ломило, нужно показаться медику, может, хоть какую-то фиксирующую повязку на рёбра наложит, а ещё лучше, если в больничку определят.

Я закрыл глаза, пытаюсь всё же уснуть. Видно, с закрытыми глазами у меня обострился слух, потому что я расслышал какое-то шевеление в «блатном углу». Открыл глаза – и различил в сумраке три крадущиеся в нашу сторону тени. Чуть толкнул лежавшего рядом комбрига, тот стиснул моё запястье: мол, всё вижу, нахожусь в полной боевой готовности.

Я смотрю в щёлочку из-под опущенного века правого глаза, левый и так заплыл. Надеюсь, Кржижановский тоже догадался прикрыть веки, не сверкать белками глаз в мутном лунном свете.

Тени совсем рядом, объясняются знаками. В руке одного из них виден какой-то слабо различимый предмет, похоже очередная, сделанная из «весла» заточка. У них тут склад, что ли?!

– Бей блатных!

Я даже вздрогнул от неожиданности. Крик комбрига поставил на уши, показалось, разом всю камеру. Началось какое-то броуновское движение, кто-то закричал, слышались звуки борьбы, пыхтение, чей-то болезненный вскрик, матерщина и возня под шконкой. Я пытался что-то разглядеть, но в такой суете это занятие выглядело крайне бесперспективным.

И тут неожиданно загорелась забранная в сетку лампочка под потолком. Куча-мала моментально рассосалась, а в освободившемся пространстве на полу я увидел долговязого уголовника, лежавшего без движения. Его двое подельников – Костыль и шрамированный по кличке Рубец – успели отползти в свой угол. Обоим досталось прилично, но их жизни ничего не угрожало, тогда как из-под долговязого натекала лужа крови. Похоже, блатарю проломили голову. Интересно чем? Разве что ногами, больше нечем.

Дверь распахнулась, и в помещение влетело пятеро вооружённых револьверами надзирателей.

– Всем встать! К стене!

Пришлось подчиниться даже нам с «испанцем». Единственным, кто не мог выполнить распоряжение, был долговязый. Один из вертухаев с двумя красными поперечными полосками

в петлицах склонился над ним, приподнял за волосы голову, отпустил её, отчего она с глухим стуком вернулась в прежнее положение, проверил пульс и озвучил вердикт:

– Ещё живой. Романцев, Сидоров, схватили быстро и в санитарный блок. Там сегодня Пущин дежурит, пусть посмотрит, может, его в госпиталь надо отвезти. Если что, поедете с ним. Ежели вдруг очокурится, тело привезёте обратно. – Когда покалеченного унесли, надзиратель спросил: – Кто это сделал?

Ответом ему была тишина.

– Ещё раз спрашиваю: чьих рук работа?

– Сам он с шконки упал, – раздался чей-то голос.

– Кто это сказал? Шаг вперёд.

От стенки отлепился невысокий мужичонка лет сорока пяти – пятидесяти с небритой, впрочем, как и у всех здесь, физиономией.

– Фамилия?

– Куприянов.

– В карцер его. Остальным спать, завтра с вами следователи разбираться будут.

Вот так вот, особо не заморачиваясь. Понял, что ни от кого сейчас правды не добьётся, решил хотя бы на одном отыгаться, не вовремя предложившем свой вариант физического увечья уголовника. Несчастный Куприянов в моих глазах выглядел сейчас новоиспечённым Иисусом, взявшим на себя грехи пусть не всего человечества, то хотя бы одной камеры.

До утра я так и не сомкнул глаз, как, вероятно, и все остальные. После завтрака Костыля увели на допрос, подозреваю, что в связи с ночным происшествием. Возможно, он был обычной наседкой и регулярно стучал начальству изолятора на сокамерников. Даже, скорее всего, так и было. Вернулся блатной примерно через час, с непроницаемой физиономией, на которой красовался фингал вроде моего. Но это было результатом ещё ночных разборок.

А мне стало чуть лучше, кровь с мочой уже не шла, и я даже нашёл в себе силы посетить баню. Туда тоже водили небольшими группами по двенадцать человек. Баня была основательная, с кафельными стенами, а около печей трещали сверчки, придавая помывке какой-то сюрреалистический колорит. Мылился я аккуратно. Не в том смысле, что боялся уронить мыло, потому что нагибание за ним в такой среде известно к чему могло привести (хотя блатные и мылись в другой группе). Просто левый бок превратился в сплошной синяк, и каждое прикосновение к нему причиняло серьёзный дискомфорт. После помывки показал его надзирателю, заявив, что рёбра сломаны, и попросился к врачу.

– Точно сломаны? – недоверчиво спросил молодой охранник.

– Клянусь здоровьем товарища Ежова!

– Ты, это, думай, что говоришь-то, – заозирался парень. – Ладно, пойдём отведу.

В медсанчасти меня осмотрел всё тот же, похожий на дедушку Калинина, врач с седоватой бородкой клинышком, который встречал меня во время поступления в Бутырку.

– Рёбра сломаны, говорите?

– Скорее треснули, насколько я могу судить.

– А мне сказал, что сломаны, – вскинулся вертухай.

– Сейчас выясним, – успокоил его врач.

Пропальпировав мой бок, «Калинин» покачал головой:

– Действительно, в двух рёбрах трещины. Вы, случайно, не медицинский заканчивали? Политехнический? Ну, тоже хорошо, уважаю образованных людей.

Туго обернув мой торс бинтом, на прощание посоветовал по возможности соблюдать покой, лишний раз не наклоняться, а через неделю пообещал посмотреть меня снова.

– Ну, если следующий допрос будет таким же, как предыдущий, то, боюсь, не только треснутых, но и сломанных рёбер прибавится, – грустно пошутил я.

– Я постараюсь донести до сведения вашего следователя, что физические методы допроса до добра не доведут.

– Вашими бы устами...

А из медсанчасти меня отконвоировали к местному парикмахеру. Одноглазый умелец за десять минут ручной машинкой обкорнал мою шевелюру, превратив её в ёжик.

– Брить пока нечего, – сказал он. – Всё равно бритвы нет, этой же машинкой и брею, вернее, состригаю усы и бороду. Так что через пару недель, ежели не расстреляют или по этапу не уйдёшь, жду у себя. А пока свободен.

В тот же день побывал и на прогулке. Вывели нашу группу во внутренний дворик, в углу которого высилась, как мне объяснил артиллерийский инженер, знаменитая башня Пугачёва, где, по преданию, сидел сам Емельян Иванович. И вроде в этой башне приводят в исполнение приговоры, то бишь расстреливают тех, кому вынесен окончательный и бесповоротный приговор.

– А затем тела на грузовике отвозят к крематорию, сооружённому в бывшей кладбищенской церкви преподобного Серафима Саровского, – проинформировал Куницын.

– Да минет нас чаша сия, – мелко перекрестился примкнувший к нашей прогулочной группе коренастый Василий.

Следователи кололи его на признание в антисоветской деятельности и в создании у себя в деревне в Рязанской губернии троцкистской ячейки. Смех и грех! Этот набожный крестьянин, насколько я изучил его за несколько дней, совместно проведённых в камере, понятия не имел, кто такой Троцкий. А вся антисоветская деятельность заключалась в ударе по физиономии комиссара, когда тот с парой красноармейцев приехал забирать у многодетного Василия последние запасы зерна.

Глядя на зарешечённое небо, как-то резко взгрустнулось. Ещё два дня назад я взлетал под облака, чтобы провести несколько секунд в свободном полёте, а сейчас могу видеть лазурную синеву только сквозь решётку.

А вернувшись с прогулки, обнаружил в камере пополнение. К нам подселили не кого-нибудь, а бывшего начальника ростовского рынка по фамилии Станкевич. Плечистый мужик с рыжей бородкой оказался на редкость разговорчивым и тут же поведал свою историю, из которой выяснилось, что все женщины по своей сути... бляди.

Начал издавека, с 1918 года, когда он был военкомом в небольшом уездном городе. Там-то по весне он и влюбился в одну симпатичную девушку. Поселились молодые в доме бывшего купца, который со всеми пожитками сбежал чёрт знает куда, а вернее всего, за границу. Хорошо хоть, мебель оставил.

Впрочем, счастье длилось недолго. Шепнули Станкевичу, что благоверная ему изменяет с начальником продовольственной базы.

– Ну и решил я её проверить. Сказал, что отправляюсь в рейд на неделю бандитов ловить, она меня проводила, накрыв на стол перед отъездом «шрапнель» с воблой. Выехал на другой конец города, оставил каурого у знакомого, а сам огородами домой. Сажу под окнами, жду. И вот где-то ближе к полуночи появляется жёнушка, встречает у калитки начпрода, и они тут же начинают целоваться.

– А ты их шашкой? – спросил кто-то.

– Была такая мысль, но подумал, что не стоит торопиться. В общем, они в дом, а я сапоги долой, чтобы шпорами не звенеть, и в кухонное окно. Гляжу: а они уже в столовой, и на столе яичница, утка жареная да бутылка самогона. Ну, думаю, тварь ты этакая, меня, значит, под бандитские пули послала, накормив «шрапнелью» с воблой, а любовника самогоном с уткой привечаешь! Да и что за любовник: пузо как бочонок, голова лысая, нос картошкой... Неужто я в постели так плох? Обида взяла, братцы. И как только они в спальню переместились, тут уж я маузер наголо! Они, понятное дело, чуть там же с перепугу богу душу не отдали. А я их

в столовую в одних рубахах под конвоем, садитесь, говорю, доедайте, чё ж добру пропадать. Влил в глотку начпроду оставшийся самогон, да так без порток на улицу его и отправил. А жену свою несознательную нагайкой отходил. Дали мне в тот раз строгий выговор с занесением в личное дело и отправили на фронт.

Примерно в том же духе была история и второй жены. На третий раз наш герой решил взять в жёны девицу из глухой деревни, понадеявшись, что в простоте своей она не станет ему изменять. К этому времени Станкевич занимал на первый взгляд скромную, но всё же небездоходную должность заведующего колхозным базаром в Ростове-на-Дону. И возникла у него преступная идея, заключающаяся в том, чтобы сделать крупную растрату или хищение, затем полученное припрятать, сесть на пару лет в тюрьму, а после освобождения жить в своё удовольствие. Первая часть плана прошла без сучка без задоринки: в 1933 году его посадили, правда, впаляли не два, а четыре года, а так как друзей в городе хватало, то отбывал он срок завхозом Ростовской тюрьмы, имел пропуск и раз в неделю приходил и ночевал дома. За это время жена родила ему даже двоих детишек, которых хоть и после некоторой заминки, однако же зарегистрировали отпрысками Станкевича.

При этом он наивно считал, что любовшка его ждёт каждый раз с нетерпением, говея перед встречей. А та оказалась ничуть не лучше своих предшественниц. Опять же, узнав об изменах от третьих лиц, Станкевич изменил график появления дома.

Дверь в квартиру в тот раз он попытался открыть своим ключом, но она оказалась запертой изнутри. Принялся стучать. Наконец жена открыла минут через пять, и вид у неё при этом был крайне растрёпанный. Оттолкнув её, ворвался в спальню, но там любовника не оказалось. Наш Отелло тут же просчитал план действий негодяя. Расчёт у последнего был прост: пока муж будет искать его в спальне, он выскочит из уборной в прихожую и даст дёру через парадную. Но Станкевич был человеком весьма искушённым, а потому сразу же к уборной и направился. Дверь оказалась заперта, но сорвать хилый крючок было делом одной секунды. Каково же было удивление обманутого мужа, когда он увидел перед собой трясущегося от страха... прокурора Ростова. Ай да жена, ай да деревенская простушка! Как бы там ни было, прокурор в одном исподнем, со штанами под мышкой вылетел в окно второго этажа. Небольшой сугроб смягчил падение, но всё же без некоторых телесных увечий не обошлось. Досталось и неверной супруге, после чего в тяжких мыслях Станкевич вернулся в тюрьму.

Прокурор, будучи не совсем дураком, о том, что имел чужую жену, умолчал. А вот отомстить всё-таки отомстил, и уже через несколько дней нашего рассказчика перевели во внутреннюю тюрьму НКВД и там взялись за него по всем правилам 1937 года.

При помощи различных подручных предметов настойчиво внушали, что он не мошенник или растратчик, а член подпольной троцкистской организации. Видя, что дело плохо и ему отобьют почки или печень, он решил пойти ва-банк. На очередном допросе заявил, что хочет сообщить следствию о своей преступной контрреволюционной деятельности, но при этом хочет умереть советским человеком и помочь органам. После чего явно повеселевший следователь вызвал стенографистку, и та принялась записывать показания:

«Меня обвиняют в том, что я троцкист, но следствие на неверном пути. Я гораздо более тяжкий преступник. Я – член троцкистско-зиновьевского центра и соучастник убийства Сергея Мироновича Кирова. В город Ростов я прибыл по заданию этого центра с целью организовать ряд диверсионных и террористических актов».

А далее он перечислил имена и фамилии тех, кто ему когда-либо насолил. Первым был ревизор, раскрывший его растрату, затем главный бухгалтер и так далее. Уже на следующую ночь было арестовано двадцать человек, и потянулась цепочка очных ставок. Конвейер заработал, практически все сознались в своей контрреволюционной деятельности и оговорили ещё кучу людей. Дело обрело громадный размах. Доложили в Москву, и последовала директива доставить соучастника убийства товарища Кирова на Лубянку.

В Москве допрос начался по отработанной схеме.

«Вы подтверждаете ранее данные показания?»

«Да, но в Ростове я не мог сказать всю правду, так как враги народа пробрались в органы НКВД и я не мог до конца раскрыть подпольную организацию».

И после вопроса: «Кто?» – он принялся перечислять имена следователей, которые его били, и в первую очередь назвал прокурора Ростова.

Через пару недель его перевели в Лефортово, военная коллегия заседала в одной из камер. Процесс проходил однотипно: подсудимого вводили четыре бойца, и председатель Военной коллегии Верховного суда СССР товарищ Ульрих³ спрашивал имя, год рождения и задавал вопрос: «Что вы имеете сказать в своё оправдание?» Затем подсудимого выводили, а через минуту вводили снова и зачитывали приговор.

И вот вводят Станкевича в эту страшную камеру, задают тот же вопрос, и вдруг он заявляет, что все ранее данные им показания – ложь, а оговорённые им люди невиновны. И он может немедленно и неопровержимо доказать свою невиновность.

«Я – мошенник и вор, политикой не занимаюсь, нахожусь в заключении с 1933 года, срок отбываю в городе Ростове, в Ленинграде никогда не был и в убийстве товарища Кирова участвовать не мог».

Ульрих багровеет и задаёт вопрос: «Так почему же вы дали такие показания?»

«Ростовский прокурор жил с моей женой, а я его поймал и отлупил».

Это было так неожиданно, что Ульрих заинтересовался и потребовал рассказать всю подноготную, то есть с первой измены. Эффект был потрясающим – Ульрих хохотал до слёз.

В итоге дело направили на доследование, и этот рыжий теперь оказался в Бутырке. Мы тоже посмеялись над его рассказом, хоть немного расцветившим нашу камерную серость, но кто-то из бывалых трезво заметил:

– Рано радуешься. Кроме Верховной коллегии и Верховного суда есть Особое совещание НКВД, которое припаяет десять лет как социально опасному элементу, чтобы отпала охота шутить над органами.

– Ты думаешь? – погрузнел Станкевич.

Впрочем, вскоре принесли ужин, и он немного воспрянул духом. А я, выскабливая алюминиевую плошку, размышлял о превратностях судьбы. Может, в тот раз парашют не раскрылся и я разбился, а все эти приключения – в посмертии? Или кто-то, живущий за облаками, с каким-то неведомым мне умыслом отправил меня именно в этот страшный год? Может, это мне испытание свыше? А если я его выдержу и выживу, получу за это какую-нибудь награду? Одни вопросы – и никакого намёка на ответ.

³ В 1930 – 1940-х гг. Василий Васильевич Ульрих входил в состав секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам. Комиссия утверждала все приговоры о смертной казни в СССР. Отмечают, что Ульрих был заядлым любителем-энтомологом: единственной страстью, которая поглощала всё его свободное время, было коллекционирование жуков и бабочек.

Глава 3

Несколько дней меня не трогали, хотя, признаться, я каждый раз непроизвольно вздрагивал, когда дверь камеры со скрипом отворялась. Странно, но побоище простых обитателей камеры с блатными не понесло каких-либо серьёзных последствий, за исключением разве что угодившего в карцер Куприянова. Вернулся он малость отощавшим и понурым, так что все, у кого были заныканы какие-то запасы еды, тут же скинулись, и вскоре несчастный Куприянов выглядел куда более повеселевшим.

А вот Кржижановский после допроса едва стоял на ногах.

– Били, – глухо констатировал он. – Заставляли признаться во вредительстве и организации контрреволюционной деятельности, требовали выдать сообщников. Я не подписал. Зато получилось подглядеть, кто на меня донос накропал, благо бумага лежала под рукой у следователя. Подписи я не увидел, а почерк узнал. К сожалению, вы оказались правы – это был Егоров, он левша, а написан донос явно левой рукой, с характерным наклоном букв. Не ожидал от него, не ожидал... Вот так разочаровываешься в людях.

– А вы, если всё же совсем туго придётся, по примеру того же Станкевича укажите его фамилию в числе тех, кто ведёт скрытую антисоветскую деятельность. Глядишь, тоже на нары загремит.

– Я так не могу, это против моей совести.

– Феликс Осипович, уж в вашей ли ситуации выгораживать подонка, который на вас повёл поклёп? Впрочем, дело ваше, но я не смог бы спать спокойно, зная, что негодяй, засадивший меня в тюрьму, живёт в своё удовольствие. А в вашем случае, скорее всего, он займёт ваше место. Будет радостно потирать потные ручонки и думать, какой же он молодец, как ловко он всё обстряпал.

В этот момент в двери открылся глазок, затем окошко, через которое подавали пищу, и мордатый надзиратель приказал:

– Всем встать возле своих шконок.

Мы без охоты выполнили команду, причём пришлось вставать по двое у каждой шконки, поскольку спать приходилось по очереди. В двери послышался скрежет проворачиваемого ключа, и в камеру вальяжно ступил, как мне тут же шепнул артиллерийский инженер, комендант Бутырской тюрьмы Михаил Викторович Попов, который раз в месяц делает обход, интересуясь положением дел в камерах. Владелец рыжих усов врзлёт, Попов и сейчас не обманул ожиданий.

– Ну что, граждане уголовники и несознательный элемент, есть жалобы, претензии?

Прошёл вдоль шконок, перевернул один матрас, второй, брезгливо отряхнул ладони.

– Что молчим? Так есть или нет?

– Никак нет, гражданин начальник, – откликнулся Костыль.

– Да у тебя, Смorchков, никогда претензий нет, – ухмыльнулся Попов. – А у твоего дружка Пузырёва есть. Завтра к нему в госпиталь как раз следователь отправится, показания взять. Может, он и расскажет, кто ему голову проломил, раз здесь нет желающих признаться. Сказки с падением со шконки можете кому-нибудь другому рассказывать.

Лица многих тут же поскуцнели. Понятно, что конкретно на кого-то этот самый Пузырёв, возможно, и не покажет, разве ж углядишь в потёмках, кто из толпы тебе сапогом или ботинком по черепушке заехал. Но общую канву вполне может раскрыть, и тогда многим не поздоровится.

– И вообще странно, что неприятности случаются, Смorchков, только с твоими подельниками. Один якобы со шконки свалился – перелом ключицы, второй – череп проломлен... Ладно, раз просьб и пожеланий нет, тогда идём дальше.

Дверь захлопнулась, и народ как-то разом выдохнул. А тут и вечернюю пайку принесли, так что некоторое время людям было чем заняться.

– Феликс Осипович, – обратился я к комбригу, пытаюсь языком выковырять застрявший между зубами кусочек уже опостылевшей селёдки. – Я смотрю, тут с зубными щётками вообще беда.

– Это точно, я вот тоже привык на воле каждые утро и вечер зубы чистить, а здесь такой возможности не имеется. Ни щётки тебе, ни порошка.

– И сделать не из чего, – подключился артиллерист. – Помню, в деревне, когда маленький был, у нас умелец мастерил зубные щётки из деревянной палочки со свиной щетиной. Здесь же ни деревяшек, ни щетины. Да и ножа нет, не пальцем же вырезать.

– Ну, предположим, заточка у товарища комбрига имеется, – напомнил я. – А вот с остальным – да, проблема. Да хоть бы деревяшка была, могли бы зубочисток настрогать. Не табуретки же портить, в самом деле.

– Я знаю, где взять деревяшку. – Это дал о себе знать бывший главный бухгалтер завода «Калибр» Павел Иванович Коган.

– Знаете? Ну-ка, рассказывайте.

Оказалось, что баней заведовал истопник, с которым Коган в силу своего общительного характера уже не то чтобы подружился, но навёл контакты. В итоге уже в следующее посещение помывочной за кусок сахара истопник настрогал с сотню тонких щепочек, которыми вполне можно было выковыривать застрявшие в зубах остатки пищи. Нам оставалось только скрытно пронести эти щепочки в камеру.

А перед этим меня успели снова вызвать на допрос. И случилось это посреди ночи. Явно уставший Шляхман с чёрными кругами под глазами на этот раз обошёлся без физических инсинуаций. Вероятно, тюремный лепила, к которому я вчера снова наведалься, проинформировал его о состоянии моего здоровья. Да и на прошлом допросе Шляхман, видимо, понял, что одними побоями заставить меня подписать признание – дело бесперспективное.

Хотя без наручников не обошлось – прошлого раза им хватило, чтобы почувствовать крепость кулаков российского спецназовца. Пусть даже и бывшего, однако поддерживавшего форму регулярными тренировками. Во всяком случае, до того момента, как угодил в это время.

Хотя и в камере по мере сил – особенно до избиения – старался делать кое-какие физические упражнения. Отжимания, пресс, растяжка, бой с тенью... Глядя на меня, к занятиям по физподготовке подключились сначала комбриг с инженером, а затем и ещё несколько человек, в основном из военных. Мне даже вспомнился виденный в детстве фильм «Не бойся, я с тобой!», где главный герой в исполнении Льва Дурова обучал азербайджанских зэков премудростям восточных единоборств. Они потом, кажется, даже бунт учинили, хотя сцены боёв – глядя с высоты прожитых лет – были поставлены на редкость непрофессионально. Мюзикл, что с авторов взять!.. Впрочем, для неизбалованного советского зрителя, видевшего из подобного разве что «Пираты XX века», и это казалось настоящим прорывом.

Так что на этот раз следователь изводил и себя и меня одними расспросами. Причём я видел, что ему самому хочется поскорее всё это закончить, но не может – то ли указание свыше, то ли на принцип пошёл.

– Поймите, Сорокин, вы, конечно, можете не подписывать протокол. Я просто внесу в него запись о вашем отказе и удостоверю её своей подписью. Поверьте, этого достаточно, чтобы дело ушло в суд по статье «Нелегальный переход на территорию СССР с целью шпионажа в пользу иностранного государства». Тем более что у меня имеются показания жителей Ватулино, в частности участкового инспектора милиции Дурнева. Одного этого хватит, чтобы припаять вам как минимум десять лет за шпионаж, а то и высшую меру социальной защиты.

– Как хотите, – устало вздохнул я. – Но своей подписи я под этим не поставлю. Я – человек из будущего...

– Да из какого на хрен будущего!

Шляхман перегнулся через стол, его нижняя губа затряслась, налитые кровью глаза вылезли из орбит, казалось, ещё мгновение – и он зарядит мне по физиономии. Однако сдержался, сел на место.

– В общем, так, гражданин Сорокин или кто вы там на самом деле... Устал я с вами цацкаться. Все подследственные как подследственные, один-два допроса – и подписывают. Обычно даже и бить-то не приходится. А вы решили упереться, думаете, это спасёт вас от наказания? Откуда вы на мою голову только свалились?.. И точно, свалился, парашютист недоделанный. И ведь что странно... Во время обыска – у меня тут пометочка – записано, что на брюках и ботинках американские бирки, а на майке – китайская, парашют и вовсе произведён в Германии. Как планировали связываться со своими хозяевами? Жители Ватулино видели только один парашют, получается, прыгали с рацией? Хотя окрестности мы прочесали – рации не нашли. Или у вас в Москве имеется связной? Как его фамилия?

Я молчал. Мне уже поперёк горла стоял этот Шляхман. Пусть бьют, ломают рёбра – я ничего больше говорить не буду. Надоело!

– Сорокин, я последний раз вас спрашиваю, на чью разведку вы работаете?! Поймите, молчание вас не спасёт, оно только усугубит ситуацию.

– На марсианскую, – выдавил я из себя плоскую шутку.

– На марсианскую? Погодите... Так это же планета такая – Марс!

– Вот оттуда меня и забросили.

– Ёрничаете? Ну-ну... Посмотрим, как вы через недельку будете ёрничать.

В итоге я вернулся в камеру лишь под утро, злой и невыспавшийся.

А через пару дней по мою душу заявили вертухай, заломили руки и, ничего не объясняя, куда-то повели.

«На расстрел», – мелькнула в голове шальная мысль, от которой я ощутил серьёзный дискомфорт. Даже не подумал, что для начала меня должны были судить, а только после этого ставить к стенке. Ну да в запарке и не такое забудешь.

К счастью, мои худшие опасения не оправдались, всё ограничилось карцером. Узкое, похожее на пенал, сырое и прохладное помещение, хотя снаружи было градусов двадцать тепла. Покрытые плесенью стены, тусклая лампочка в мутном решётчатом плафоне, откидная шконка, прикрученные к полу столик с табуретом да ведро-параша в углу... И маленькое окошечко под потолком, в которое с трудом проникал свет с воли.

– Шконку до отбоя не трогать, – приказал вертухай. – Матрас и подушку получишь перед отбоем, утром сдашь.

– За что хоть меня сюда?

Ответом было молчание. Оббитая железом дверь захлопнулась, и я остался наедине с собой. Сел на табурет, опёршись локтями о столик, подпёр ладонью подбородок.

В конце концов, карцер – не самое плохое место. Вон, Куприянов вернулся – ничего, живой. Возможно, именно в этом карцере он и коротал дни. Знать бы ещё, за что я сюда угодил.

Ой, тоска-то какая! И мысли всякие дурные в голову лезут. Нет, вешаться на шнурках я не собирался, тем более у меня их сразу по прибытии в Бутырку конфисковали. Чудо ещё, что во время первой же драки с местными авторитетами кроссовка не улетела после «вертушки». Хорошо бывшим военным, они-то хоть в сапогах.

А дурные мысли были такого плана: не покаяться ли мне в том, чего я не совершал? Может, всё-таки не расстреляют, а в лагерь отправят? Всяко в лагере лучше, чем в камере, набитой людьми, многие из которых предпочитают ходить с голым торсом из-за жары и повышенной влажности. Пусть даже лес заставят валить или породу на тачках возить, в этом есть хоть какая-то определённость. А дурной мысль была потому, что подпиши я протокол с при-

знанием в шпионаже – и девяносто девять процентов, что меня шлёпнут. Тут даже к гадалке не ходи.

Потом накатило какое-то философское настроение. Были бы карандаш с бумагой, я, наверное, с тоски затеял бы писать какой-нибудь труд. Не могу вот так сидеть, ничего не делая, по жизни всегда находил себе какое-нибудь занятие. Поотжиматься, что ли? Вроде как рёбра уже не очень побаливают.

Упёрся кулаками в цементный пол, сделал полсотни отжиманий. Попробовал упражнения на пресс – нет, сразу дал знать о себе левый бок. Зато упражнения на растяжку прошли нормально. Ладно, отжимания и растяжка – вот два моих способа, как убить время. А заодно и согреться, если уж на то пошло.

Однако на следующий день как раз во время занятий откинулась задвижка глазка, и строгий голос немолодого надзирателя предупредил:

– Гражданин Сорокин, ну-ка немедленно прекратите! Не положено!

Я, не вставая с поперечного шпагата, поинтересовался:

– А если не прекращу?

– Шутки шутить вздумали? Тут с такими шутниками разговор короткий!

– Ладно, босс, не кипятись.

Я встал и затянул:

Чёрный во-о-рон, что ж ты въё-о-ос-ся...

– Не положено!

– Тьфу ты! Что ж у вас тут можно-то?

– Сидеть и стоять. И молчать.

– Ну нормально! Мало того что засунули в холодный пенал, ещё и делать ничего нельзя. Я, может, физкультурой согреваюсь. У вас тут температура как в погребе, дали бы, что ли, шинель какую.

– Так, гражданин Сорокин, ещё одно слово – и останетесь без ужина.

– Без ужина вы меня не можете оставить, это нарушает международную конвенцию.

– Чиво?... – протянул вертухай. – Какую ещё конвенцию?

– Международную, принятую Генеральной Ассамблеей ООН.

Похоже, у надзирателя процесс переваривания моих фраз закончился полным несварением. Тем более откуда ему, бедолаге, знать, что никакой Организации Объединённых Наций в природе ещё не существовало. С прощальным «Ты у меня договоришься, Сорокин!» он вернул задвижку на место, и с той стороны двери послышались его удаляющиеся шаги. Ужина, впрочем, не лишил. И пайку не урезали. Посуду после еды я должен был возвращать через окошко баландёру, которого сопровождал надзиратель, а на приём пищи мне выделили буквально пять минут.

На второй день я принялся мерить свою узкую камеру шагами от двери к дальней стенке, к маленькому окошку. Семь шагов туда, семь обратно, семь туда, семь обратно... И ведь окошко хрен приоткроешь, нет тут такой опции, в смысле – форточки. Потом разглядел, что в камере я не один. Слева от оконца махонький паучок сплёл паутину и притаился на краю своего смертельного для мух кружева.

– Тебя-то сюда за что? За вредительство или шпионаж, как меня?

Паучок неподвижно взирал на меня сверху. Может, околел? Я подпрыгнул и кончиком пальцев чуть коснулся паутины. Мой молчаливый сокамерник встрепнулся, оббежал паутину по кругу и снова притаился в том же самом месте.

– Чем же ты там питаешься? Тут ведь даже окно не открывается, мухи как сюда залетают? Молчишь? Ну молчи, молчи... Следователь тебя заставит говорить. Попадёшь к какому-

нибудь Шляхману, он из тебя всю душу вынет. А если ещё и Фриновский подключится... О-о, брат, тогда я тебе не завидую. Будешь потом кровью харкать... Тебя хоть как звать-то? Имя, погоняло есть? Ладно, сам придумаю... Будешь Бармалей. Не спрашивай почему.

Прошёл ещё несколько раз от окна к двери и обратно. Тут и обед подали. Всё быстро схомячил, вернул посуду разносящему и снова принялся мерить карцер шагами. Только не сидеть молча, иначе депрессия захлестнёт с головой. Вон лучше ещё с Бармалеем пообщаться.

– Ты-то, дурень, небось и не понимаешь, что сидишь в карцере. Много ли тебе надо – угол с паутиной да свежая муха. А нам, людям, нужно общение, иначе мы можем крышей двинуться. А вот чтобы не двинуться, я разговариваю с тобой. Ладно, можешь не отвечать, главное – слушаешь. Знаешь, кто я такой на самом деле? Не поверишь – хронопутешественник! Я, может, твоих прапраправнуков видел. Представляешь, какая жизнь будет через восемьдесят лет? Техника, конечно, шагнёт далеко вперёд, а вот люди останутся такими же – мелкими и злобными существами в своей массе. Ну, за редким исключением, типа меня, комбрига или артиллерийского инженера. Или тех ребят, с кем я воевал плечом к плечу и на которых мог положиться, как на самого себя. – Ещё несколько ходок от двери к окну. – Не понять тебе, Бармалей, какой это кайф – прыжки с парашютом. Я вот ещё собирался винтом заняться, уже себе вингсют присмотрел – костюм-крыло, да не успел – в прошлое забросило. А ты вот сидишь там, и нет у тебя иных забот, кроме как из мухи все соки выжать. Скучное ты существо, Бармалей.

В этот момент послышалось жужжание. Ого, каким-то чудом в карцер залетела муха! Я устроил за ней настоящую охоту, но всё-таки поймал живьём и в прыжке приклеил к паутине. Двукрылое насекомое тут же отчаянно затрепыхалось, пытаясь освободиться, а Бармалей шустро посеменил к своей еде. Как кусал, я не разглядел, но вскоре муха затихла, а паучок вернулся на прежнее место. Видно, решил подождать, пока жертва испустит дух, а может, ещё по какой причине. Но через час Бармалей приступил к трапезе, занявшись высасыванием из насекомого соков. А мне запоздало муху стало жаль. Но соседа по карцеру тоже жалко, в общем, уговорил я себя, что поступил правильно.

На следующий день вновь дежурил тот самый немолодой надзиратель лет пятидесяти. Дождавшись, когда он заглянет в глазок, я спросил:

– Товарищ лейтенант...

– Сержанта я, – ответил тот, но видно было, что слегка польщён.

– Товарищ сержанта, вот я сижу тут, как орёл молодой в темнице сырой, и мучаюсь догадками.

Молчит, но глазок не закрывает. Видно, заинтересовался, ждёт, что я дальше скажу.

– Не могу понять, за что меня сюда определили? Если бы хоть знал, то, может, пребывание в карцере показалось бы не таким тягостным.

– А то прямо не знаешь!

– Клянусь!

Зрачок на какое-то время пропал из дыры глазка, похоже, надзиратель оглядывался, потом появился снова.

– Пузырёва бил?

– Которого в госпиталь увезли с пробитой головой?

– Ага, его. Этот-то Пузырёв, когда очнулся, на тебя показал.

– Как он мог показать?! Я ведь в лёжку был, после допроса пошевелиться не мог!

– Ну, это уже не ко мне. За что купил – за то и продаю.

Надзиратель ушёл, а я остался вновь наедине со своими мыслями. Вот же сука этот Пузырёв! Гадом буду, вернусь в камеру – ещё раз по больной башке ему настучу. Хотя ещё неизвестно, когда он сам-то из больнички выйдет, на мой взгляд, ему постельный режим был обещан на месяц как минимум. Ну, может, ещё встретимся.

В карцере я пробыл ровно неделю, после чего меня, малость неухоженного, но всё ещё бодрого, вернули в общую камеру. На прощание я мысленно пожелал Бармалею удачи. Он-то остаётся в одиночке, бедолага, до следующего постояльца, который может оказаться не таким добрым, как я. Возьмёт и смахнёт паутину вместе с ним.

Меня сразу обступили старые знакомые, коими я считал комбрига, артиллерийского инженера и ещё нескольких человек.

– Ну как вы там? За что вас в карцер?

Пузырёв, как я и предполагал, ещё не появлялся, а его подельники во главе с Костылём затихарились в «блатном углу». Косясь в их сторону, я негромко поведал причину моего заточения.

– Вот же сволочь! – с чувством выдохнул Куницын. – Жаль, что мы его не добились.

– Тогда было бы ещё хуже, – взвешенно ответил я. – Репрессии для отдельно взятой камеры последовали бы такие, что мама не горюй. Всем досталось бы, кроме этих, – кивнул я в сторону напряжённо прислушивавшихся к нашему разговору уголовников, которые тут же сделали вид, будто заняты перекидыванием засаленных картишек.

– Теперь, если что, могут и срок накинуть, – покачал головой Павел Иванович.

– Пусть сначала докажут, что это он бил, – вставил Кржижановский. – Неужто они повесят словам какого-то уголовника, который в темноте даже не видел, кто его лупит?! Если надо будет, я выйду и скажу, что это моих рук дело. Тем более я действительно принимал участие в этой схватке.

– И я присоединюсь. – Это уже инженер.

– А я предлагаю придерживаться версии с падением с нар, как сразу сказал Куприянов. – Коган смотрел на нас, как воспитатель в детском саду смотрит на своих маленьких подопечных, ляпнувших какую-то глупость.

– Нет, ну а что, не знаю, как вас, а меня на допросе по поводу этого события не спрашивали, они под меня как вора и антисоветского элемента копают, им не до таких мелочей. Вас спрашивали? Тоже нет? Вот, значит, можно сейчас всем скопом сговориться, что этот ротозей во сне свалился с нар головой вниз.

– А я надзирателю в карцере сказал, что в своём физическом состоянии не мог принимать участия в ночном побоище.

– Ну, про побоище вы зря, конечно... Может, этот надзиратель уже и забыл, что вы ему сказали?

– Костыль наверняка всё рассказал, его тоже на допрос вызывали. Да и Попов тогда заявил, что не верит в историю с падением со шконки.

– Ладно, чёрт с ним, с Пузырёвым... Вы-то тут как без меня? – поинтересовался я у сокамерников. – Смотрю, Феликс Осипович, вы прихрамывать начали...

– А, – махнул рукой комбриг. – Снова били, лупцевали палкой по пяткам. Кости вроде целы, а всё равно больно.

– По-прежнему стоите на своём?

– Стою за правду, и менять свою позицию не собираюсь!

– А у меня бывшую жену арестовали, с которой я второй год в разводе, – вздохнул Куницын. – Следовательно у меня не зверь, с ним и по душам поговорить можно, вот он и сообщил на допросе. Баба-то с характером, что уж тут, тяжелоатом с ней было жить, но всё равно жалко. Я спросил у следователя, что там с нашим общим сыном, говорит, бабка забрала, то бишь её мать.

– Я слышал, уже и детей врагов народа арестовывают, – вставил Коган.

– А их-то за что? – изумились одновременно комбриг с инженером.

– Да всё за то же, потому что состоят в родственных связях с вредителями и троцкистами.

– Сталин же ещё два года назад сказал на совещании передовых комбайнеров, что сын за отца не отвечает!

– Ха, ну честное слово, вы как дети! Сказать – одно, а законы пишут другие люди. Вот и увозят воронки подростков.

– Так уж и подростков?

– Вы, наверное, незнакомы с последней редакцией статьи 12 УК РСФСР от тридцать пятого года. Поправки разослали только судьям и прокурорам. А у меня деверь – помощник могилёвского прокурора, он и рассказал... В общем, сейчас несовершеннолетние, достигшие двенадцатилетнего возраста и уличённые в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания. Включая высшую меру социальной защиты.

– Но при чём здесь дети врагов народа?

– Э-э, так тут можно подвести под любую статью, было бы желание. Отец твой – троцкист, а ты замышлял убийство Ежова. Мальчонку или девку запугать – много ума не надо, всё подпишут. Вот тебе и расстрельная статья. Правда, лично я не слышал, чтобы расстреливали, хотя, выходит, теоретически могут.

– Страшные вы вещи говорите, товарищ Коган, – покачал головой инженер.

– Так что ж теперь, в страшное время живём.

– В непростое, – поправил комбриг. – Трудное и непростое. Наша страна окружена внешними врагами, да и внутри ещё не всех вывели. Много желающих вставить палки в колёса молодому Советскому государству, набирающему ход и грозящему капиталистам мировой революцией.

Я не вмешивался в разговор. Машинально ковырял щепочкой в зубах и размышлял, как хорошо работает наша пропагандистская машина. Не хуже, чем у немцев с их Геббельсом. А ведь, как ни крути, и впрямь время такое, что, если безоглядно не верить в светлое коммунистическое будущее, поневоле собьёшься с пути. А сбиваться нельзя, в самом деле врагов ещё хватает и внутри страны, и снаружи. Это как в армии, где приказы командира не обсуждаются. Во время боевых действий каждая минута промедления может стоить десятки, сотни, а то и тысячи человеческих жизней. А страна сейчас вынуждена жить по полувоенным законам, пока что не до либерализма и демократии. Хотя и не по вкусу мне поговорка «Лес рубят – щепки летят», но эта эпоха под данное определение подходит как нельзя лучше. Печально лишь, что я, похоже, оказался одной из таких щепок. Не говоря уже о комбриге, инженере и сотнях тысячах других советских граждан, которые, уверен, попали под одну гребёнку.

Хотя, насколько я помнил из прочитанного, Ежов с подельниками выводили «ленинскую гвардию», проводя своеобразную чистку партийных рядов. Понятно, не самовольно, а по указанию известного кого. Не знаю уж, оправданно это было или нет, но вывели практически всех руководителей высшего и среднего звена, да и внизу, скорее всего, прошерстили изрядно. Как по мне – и те хороши, и эти.

А через день меня забрали. Причём не первого, до меня из камеры взяли ещё двоих, и они уже не вернулись, что заставило остальных невольно притихнуть, погрузившись в мрачные размышления. Брала и из соседних камер. Кто-то явно упирался с криком: «Не пойду! Тираны! Не дамся!» – из продола, как бывалые сидельцы называли коридор, крики доносились вполне отчётливо, вызывая у народа желание забиться под шконку или сделаться невидимками. А потом откуда-то издали послышался «Интернационал», который закончился после первых двух строчек. Видно, конвоиры привели поющего в чувство.

– Похоже, у Особого совещания при НКВД СССР сегодня расстрельный день, – не выдержав, прокомментировал Коган, который всегда был в курсе происходящих в тюрьме событий. – Интересно, кто приводит приговор в исполнение – Блохин или Магго?⁴

⁴ Блохин Василий Михайлович возглавил расстрельную команду ОГПУ при Совете народных комиссаров СССР ещё в 1924 г. По некоторым сведениям, лично расстрелял от 10 000 до 50 000 человек. Среди его жертв – Тухачевский, Якир,

– Может, их по этапу сразу отправили? – с надеждой предположил Коля Ремезов.

Коля на воле был путейцем, всегда числился в передовиках, собирался вступать в комсомол, но тут чёрт попутал – стырил какой-то важный болт, который должен был заменить грузило для удочки. Теперь ему грозило от пяти до восьми лет лагерей.

– По этапу? Хм, может, и по этапу...

Как бы то ни было, дошла очередь и до меня. Завернули руки, зафиксировав запястья наручниками, и привели в помещение без окон, где за столом восседали трое, а отдельно в уголке – моложавый сотрудник НКВД в очках с пером и бумагой. Похоже, секретарь.

«Тройка», – всплыло в памяти знакомое слово, и по спине протянуло холодком.

Конвоир велел остановиться метрах в трёх от стола. Три пары глаз равнодушно прошли по мне, и я понял, что дело пахнет керосином. В центре восседал непримечательный сотрудник органов в петлицах с четырьмя ромбами и звёздочкой над ними. Кажется, большая шишка. По правую руку от него – мужчина лет пятидесяти, в гражданском, вытиравший несвежим платком потную залысину. По левую – тоже в гражданском, с бородкой и в круглых очках, придававших ему сходство с Троцким, чьё имя сейчас склонялось исключительно с негативным оттенком.

Перед энкавэдэшником лежала раскрытая папка. Что там было написано на листах, отсюда не разобрать, но вроде был убористый почерк Шляхмана. Скорее всего, так и есть, зачем-то же меня сюда притащили.

– Сорокин Ефим Николаевич? – ровным голосом поинтересовался сидевший в центре.

– Я.

– Гражданин Сорокин, вы обвиняетесь в шпионаже в пользу иностранного государства и организации на территории СССР террористической деятельности...

– Что за бред? Вы вообще читали мои показания?

– О том, что вы якобы прибыли из будущего? – вступил сидевший слева за столом. – То есть таким образом вы надеялись на смягчение приговора? На то, что вас отправят на психиатрическую экспертизу и дальнейшее лечение? В таком случае, гражданин Сорокин, вы сильно заблуждались.

– По-моему, это вы сейчас заблуждаетесь, – пробормотал я.

– Товарищ Реденс, продолжайте, – попросил лысоватый.

Вот он какой, этот Реденс, оказывается.

Он прокашлялся.

– Спасибо, товарищ Волков... Итак, гражданин Сорокин, вы обвиняетесь в шпионаже в пользу иностранного государства...

– Какого именно, может, поясните всё-таки? – не выдержал я. – А то самому жуть как интересно.

Чувствительный тычок прикладом в спину заставил меня податься вперёд, но рука конвоира тут же вернула моё тело на место.

– Ваше ёрничанье вас не спасёт, – устало произнёс обладатель бородки клинышком, сняв очки и массируя покрасневшие глаза. – Скажите спасибо, что мы ещё вам озвучиваем приговор. А то могли бы и без суда, как говорится.

Без суда? Что этот очкарик имел в виду? Я видел, как шевелятся губы майора, опустившего глаза в приговор, и чувствовал, как по спине стекает липкая струйка пота.

– ...приговаривается к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Приговор обжалованию не подлежит.

Уборевич... Последний свой расстрел произвёл 2 марта 1953 г., за три дня до смерти Сталина. Предпочитал расстреливать из немецкого пистолета «Вальтер ПП». Магто Пётр Иванович в 1931 г. по собственному желанию стал сотрудником для особых поручений комендатуры ОГПУ. Приводил в исполнение расстрельные приговоры. По некоторым сведениям, Магто лично расстрелял ок. 10 000 человек. В 1940 г. уволен из органов, после чего спился и в 1941 г. умер от цирроза печени.

Читавший захлопнул папку, и всё поплыло перед моими глазами. Захотелось проснуться и посмеяться над таким реалистичным кошмаром. Но, к сожалению, я прекрасно понимал, что это был не сон, а самая что ни на есть настоящая реальность. Реальность, в которой мне предстояло расстаться с жизнью.

– Пошёл!

Снова толчок в спину, и вот уже два конвоира куда-то ведут меня по коридорам. Спускаемся на несколько лестничных пролётов. Один из охранников открывает металлическую дверь. Впереди – слабоосвещённый проход, справа – вход в помещение. Оттуда появляется немолодой мужчина в форме НКВД, перепоясанный ремнями, с густыми, вислыми усами и в таких же очках в круглой оправе, как у одного из членов тройки.

– Ещё один? – чуть уставшим голосом спрашивает он, как бы констатируя данный факт.

– Так точно, товарищ капитан госбезопасности, – ответил конвоир, протягивая ему документ.

Пока тот читает, до меня доносится вполне различимый запах спирта.

– Ясно, восьмой, значит, сегодня... Не дали чай допить. Ладно, бери колотушку, идём.

Ага, я буквально носом чувствую, какой он там чай пьёт. И на хрена им колотушка, если у этого, в очках, имеется револьвер? Может, оглушить сначала хотят?

Меня опять толкают в спину, а я думаю, что глупо погибаю. Ладно в Чечне, там хоть всё было понятно, а тут... Свои же, суки, кончать собираются! Вижу впереди на полу бурые пятна. Вот она, бутырская Голгофа! Неужто здесь так глупо закончится мой жизненный путь?! И руки скованы, а ногами много против троих вооружённых, подготовленных бойцов не поработаешь. Эх, хотя бы погляжу смерти в лицо!

Останавливаюсь, поворачиваюсь к троице палачей лицом.

– Так стреляй, – говорю очкастому. – Хочу перед смертью посмотреть на твою рожу.

Тот будто очнулся от состояния какой-то задумчивости, с интересом посмотрел на меня, поглаживая пальцами потёртую кожу кобуры. Конвоиры, не зная, что предпринять, вопросительно посмотрели на главного в этом коридоре.

– Забавно. Что ж, так даже интереснее.

Он извлёк из кобуры револьвер, покрутил барабан и вскинул руку на уровне моего лба. Я непроизвольно зажмурился, вспомнив в этот момент почему-то не своё детство, не сына и уж тем более не бывшую, а Бармалея. Интересно, если существует реинкарнация, я могу возродиться в следующей жизни пауком?

– Стойте! Пётр Иванович! Товарищ Магго, остановитесь!

Медленно открываю глаза и вижу, как по коридору летит запыхавшийся комендант Бутырской тюрьмы.

– Фух, успел, – со свистом дышит Попов, вытирая рукавом вспотевший лоб.

– Что такое? – с досадой спрашивает палач, опуская ствол.

– Звонок... От Фриновского. Приказ отправить дело Сорокина на следствие.

– Твою мать! – вполголоса выругался Магго. – Что ещё за новости?

– Это не ко мне, мне приказали – я выполнил. Хорошо, что успел.

Да уж, хорошо. Мелко закололо кончики пальцев – к онемевшим конечностям стала возвращаться чувствительность. Было такое ощущение, будто меня вытащили из моей шкуры и потом снова в неё засунули. Больно, но приятно. Значит, ещё поживем.

Глава 4

Живой! – Кржижановский и Куницын чуть ли не одновременно обняли меня, а ещё несколько человек крепко пожали руку, словно поздравляя с возвращением с того света.

По существу, так оно и было, я находился всего в одном мгновении от ухода из мира живых. Мгновении, которого было достаточно, чтобы спустить курок направленного в голову револьвера.

– Мы думали, вас, как и многих, повели на расстрел, – сказал комбриг. – Даже попрощаться не успели, так быстро вас увели. Ну, рассказывайте, какой срок дали?

– Так ведь на расстрел и повели, – подтвердил я. – Тот самый Магго, которого вы поминили, Павел Иванович, уже курок взвёл. В последний момент Попов прибежал с криком, что Фриновский велел отправить дело на следствие.

– Видно, есть у вас заступник кто-то там, наверху, – покачал головой Коган. – Но надолго ли хватит этого заступничества...

На несколько минут воцарилось гнетущее молчание. Каждый думал о своём. Может, кто-то даже завидовал, допуская, что вот его как раз и кончат в подвале Пугачёвской башни и по его душу никакая шишка звонить не будет.

– Так что же, получается, вами заинтересовался сам Фриновский? – наконец нарушил молчание артиллерист.

– Второй раз, – напомнил я. – Сначала морду бил, а теперь из-под пули вытащил.

– Возможно, он также просто исполнил чей-то приказ, – предположил Коган.

– Над Фриновским, если я не ошибаюсь, стоит Ежов, а над Ежовым... В общем, вы и так знаете, – констатировал комбриг.

– А может, и правда в деле нашли какие-то недоработки? Уточнят – и снова под суд, и, возможно, с тем же исходом, – добавил «оптимизма» прислушивавшийся к нашему разговору Станкевич.

– Типун вам на язык, – отмахнулся Коган. – Лично я предпочитаю верить в справедливый исход. Уверен, Ефим Николаевич, что ваше дело на расстрельный приговор никак не тянет.

В этот момент распахнулось окошко в двери, в котором показалось тщательно выбритое лицо конвоира:

– Всем встать!

Затем провернулся ключ в замке, и вошли двое.

– Куприянов!

Лицо нашего сокамерника тут же посерело, но он, покачнувшись, всё же нашёл в себе силы сделать шаг вперёд.

– Руки за спину, на выход.

Несчастный Куприянов обвёл взглядом камеру, словно пытаясь запомнить наши лица, и, обречённо опустив голову, двинулся к выходу. Уже в дверном проёме он обернулся и, прежде чем ему рукояткой револьвера промеж лопаток придали ускорение, крикнул:

– Прощайте, братцы!

Дверь захлопнулась, вновь провернулся ключ, и камера опять погрузилась в гнетущее безмолвие.

– Сидим тут, ждём, пока нас по одному не отправят на бойню!

Огромный, под метр девяносто, широкоплечий капитан Кравченко, на которого с опаской поглядывали даже уголовники, в сердцах двинул кулаком по стойке шконки, так что та покачнулась, а за ней и соседние. Кравченко в камере находился почти неделю. По национальности украинец, он служил на западной границе, полгода назад его перевели в Москву. Не успел семью в столицу перевезти и обжиться, как последовал арест. По мнению капитана, он

стал жертвой чьего-то навета. Ему инкриминировали связь с польской разведкой. То есть ситуация близкая к моей, здесь тоже пахло шпионажем.

– Ну а что вы предлагаете? – поинтересовался Коган. – Устроить бунт? Тогда нас точно всех перестреляют.

– Да уж лучше так, чем подставлять им свой затылок. За свою жизнь я дорого возьму.

Я был согласен с Кравченко: лучше погибнуть в бою, чем быть безропотной овцой на заклании. Другое дело, бунт и впрямь ничем хорошим не закончится. Расстреляют всех прямо в камере, а так хоть у кого-то есть шанс уцелеть, пусть даже отсрочить свою гибель в лагерях. Но, опять же, если подумать, восстание может погнать волну, стать примером для других. И тогда наверху задумаются: может, они делают что-то не то, загребая в тюрьмы и правых и виноватых?

А на следующий день, сразу после ужина, за мной снова пришли. На этот раз я успел на всякий случай попрощаться с товарищами. На меня опять напялили наручники и повели совсем не в ту комнату, где мне выносили приговор, и не в подвал Пугачёвской башни. Меня вывели во внутренний двор, где я успел глотнуть свежего воздуха начала сентября, ещё хранившего тепло лета, прежде чем был втиснут на заднее сиденье воронка. По бокам сели двое молчаливых конвоиров, принявших меня словно эстафетную палочку у надзирателей Бутырки, а впереди занял место не кто иной, как Шляхман.

Как и в первый раз, следователь предпочитал хранить молчание. С заднего сиденья полностью разглядеть его лицо было трудно, но я догадывался, что Шляхман пребывает не в лучшем настроении. По дороге мы умудрились продырять колесо, только в этот момент старший группы дал волю чувствам, выругавшись себе под нос. Некоторое время ушло на замену колеса, после чего мы продолжили наше недолгое путешествие.

Теперь наш путь пролегал в обратном направлении – из Бутырки на площадь Дзержинского⁵ к зданию, при СССР наводившему ужас на обывателей, особенно в это время. Что там на этот раз со мной собирались делать, я не знал, но ничего хорошего от итогов этой поездки не ждал. Доследование может включать в себя всё, что угодно, включая новую порцию допросов с применением самых изощрённых пыток. Только могли бы всё это проделать и в СИЗО, не обязательно было везти меня в цитадель ОГПУ.

Машина припарковалась во внутреннем дворе, и мы зашли через служебный вход. Хмурый Шляхман возглавлял нашу небольшую процессию, двигавшуюся по коридорам страшного здания. Несмотря на вечернее время, то и дело мимо шныряли сотрудники, кто в гражданском, кто в форме НКВД. Да, процесс выявления врагов народа не останавливался ни на минуту. Некогда читал, что тут и ночами в кабинетах горит свет, а из подвала доносятся крики допрашиваемых.

Нет, и не в подвал меня повели, напротив, мы поднялись по лестнице на третий этаж и оказались перед дверью приёмной наркома внутренних дел СССР. Не успел я осмыслить данный факт и напрячься, как мы переместились в помещение с плотными шторами. В приёмной помимо порученца-секретаря я увидел Фриновского, который при нашем появлении встал и одёрнул китель.

– Почему так долго? – негромко спросил он у Шляхмана.

– Колесо пробили на Каретном Ряду, менять пришлось.

– Да там менять-то три минуты... Ладно, добрались и добрались, товарищ нарком пока на месте, ждёт.

Порученец приоткрыл массивную деревянную дверь, предлагая нам пройти внутрь. Первым зашёл Фриновский, следом Шляхман, а третьим я. Мои конвоиры остались в приёмной.

⁵ Лубянская площадь именовалась в честь основателя ВЧК Феликса Дзержинского с 1926 по 1991 г., когда ей вернули историческое название.

Из-за стола нам навстречу поднялся невысокий человек, ростом мне по грудь, с большими звёздами на рукавах и чуть поменьше – в петлицах. Читал я чьи-то мемуары о Ежове, помню, автор называл его кровавым карликом. Насчёт карлика, пожалуй, соглашусь, а вот насколько он кровавый – посмотрим.

– Это и есть наш гость из будущего? – поинтересовался хозяин кабинета, разглядывая меня, словно музейный экспонат.

– Так точно, товарищ народный комиссар! – отрапортовал Фриновский.

– И впрямь одет не по-нашему. Даже за границей, думаю, так сейчас не одеваются. Обувь у вас интересная, как, вы говорите, называется?

Это уже ко мне вопрос.

– Кроссовки, – ответил я.

– Угу, кроссовки... Чем-то иностранным пахнет...

– От английского слова «кросс», в данном случае это обозначает бег по пересечённой местности.

– И что, удобно?

– Удобно, особенно во время занятий спортом. Хотя в будущем многие используют кроссовки и как обычную обувь.

– Любопытно, любопытно... Думаю, нам о многом предстоит с вами поговорить. Товарищ Шляхман, наручники с подследственного, пожалуй, можно снять.

– Может, не будем рисковать, товарищ народный комиссар? Уж больно норовист подследственный.

– Не люблю, когда мне ни за что ни про что морду бьют, – ответил я, играя со следователем в гляделки.

– Ну, пока мы вам тут ничего бить не собираемся, – растянул в подобии улыбки тонкие губы Ежов. – Обещаете обойтись без рукоприкладства?

– Договорились.

Освободившись, я потёр онемевшие запястья.

– Товарищи, вы пока можете обождать в приёмной, – повернулся нарком к Шляхману и Фриновскому.

Те чуть замаялись, но всё же оставили нас с Ежовым наедине.

– Пожалуй, присядем, – предложил нарком и сам вернулся в своё кресло.

Я уселся с краю длинного стола, пытаюсь понять, о чём пойдёт разговор. Хотелось, чтобы по его итогам тюремная эпопея для меня наконец закончилась, не говоря уже о том, чтобы снова оказаться в подвале Пугачёвской башни и принять пулю от какого-то там Магго.

Сидевший напротив Ежов выглядел более-менее спокойным, хотя лёгкий тремор державших карандаш пальцев скрыть не мог. Подушку, что ли, на стул подкладывает, чтобы казаться выше?

– Чаю? – предложил он.

– Не откажусь. Если можно, с лимоном.

Ежов поднял трубку телефона внутренней связи и попросил принести два стакана чаю с лимоном. Отдав распоряжения, снова обратил внимание на мою персону.

– В каком году, напомните, Ефим Николаевич, вы родились?

– В 1980-м, 12 декабря, в Москве, – уточнил я дату и место на случай, если нарком собирается ловить меня на нестыковки. – У вас вон, я вижу, мои показания на столе.

– Мало ли, вдруг следователь что-то напутал. А иногда одна буква или цифра решают многое, порой от этого зависит жизнь человека.

Я выдержал его пристальный, немигающий взгляд, хотя очень хотелось отвести глаза. Передо мной сидел человек, отправивший на тот свет десятки, если не сотни тысяч людей.

Пусть, возможно, и не стрелявший их лично, но под многими расстрельными приказами стояла его подпись.

Что я ещё читал об этом садисте? То, что он вроде происходил из крестьян, был малообразован и любил лично присутствовать не только на допросах, но и на расстрелах. А потому никаких иллюзий насчёт его человеколюбия я не питал.

Принесли чай и вазочку с печеньем. Стаканы в мельхиоровых подстаканниках с узорами. В золотисто-коричневой ароматной жидкости плавали мелкие чайинки, а на край стакана был насажен кружок лимона. Лимон я отправил в чай, подавил ложечкой, кажется серебряной, и отхлебнул.

Нарком тоже отпил и посмотрел на меня исподлобья:

– При вас были найдены любопытные вещи. В частности, парашют неизвестной конструкции и из неизвестного материала, который специалисты пока не смогли распознать.

– В будущем этот материал называется рипстоп, а в целом это нейлоновая материя.

– Нейлоновая? Мне это слово тоже ни о чём не говорит.

Хм, я почему-то был уверен, что нейлон⁶ уже изобретён и за границей наверняка дамы уже фланируют в нейлоновых чулках. Или всё же нет? Знал бы, куда забросит, почитал бы соответствующую литературу.

– Тут вот пишут, что высотомер также необычной конструкции, хотя принцип работы вроде понятен. Там ещё маркировка стоит и дата: 15 марта 2015 года. Конечно, всего этого недостаточно, чтобы однозначно убедить меня в том, что вы и впрямь свалились к нам из будущего, но задуматься заставляет.

– Знал бы, что понадобятся доказательства, захватил бы побольше чего, – хмыкнул я, отправляя в рот приятно хрустнувшее печенье. – Сотовый телефон, ноутбук... Да мало ли, чем вас можно удивить.

– Но самое главное – знание будущих событий. Разве не так?

– Если этими знаниями только можно воспользоваться. А то пустят в расход, как говорится, ни за понюшку табака, и никакой пользы родной стране принести не успеешь.

– И это верно. – Ежов сделал ещё глоток и, понизив голос, спросил: – Так что, меня и в самом деле расстреляют в сороковом году?

– Должны... Если мне память не изменяет. То, что расстреляют, – это точно, как бы вам ни неприятно это было слышать, насчёт даты не совсем уверен, я же не историк, может, и ошибся годом, но всё же, кажется, сороковой.

– То есть подробностей не знаете?

Я пожал плечами:

– Запишут, скорее всего, во враги народа. Как вы Ягоду, так и вас... В это время, по моему, ничего удивительного, что сегодня ты кого-то расстреливаешь, а завтра уже тебе пулю в затылок.

Ежов поёрзал на месте, затем, не выдержав, встал и принялся расхаживать по кабинету в своих мягко ступавших, начищенных до блеска сапожках. Это продолжалось минуты три, я уже успел допить чай и внаглую доесть всё печенье, когда наконец, опёршись поясницей о высокий для него подоконник и скрестив на груди руки, нарком спросил:

– Ладно, разговор не обо мне, хотя действительно неприятно слышать, что тебя обвинят в измене Родине и поставят к стенке... Вы упомянули, что Советскому Союзу предстоит долгая кровопролитная война с фашистской Германией?

⁶ Синтез 66-монополимера (нейлон) впервые был проведён 28 февраля 1935 г. У. Карозерсом, главным химиком исследовательской лаборатории американской компании DuPont. Широкой общественности об этом было объявлено 27 октября 1938 г.

– Да, так и будет. Германия на нас нападёт рано утром 22 июня 1941 года. Первой под удар попадёт Брестская крепость, гарнизоном которой командовал... вернее, будет командовать лейтенант Кижеватов.

– Брестская? Так ведь Брест польский.

– Если ничего не путаю, после начала Второй мировой в 1939 году Брест захватили немцы и по договору передали Советскому Союзу. В Бресте вроде бы даже прошёл совместный парад войск вермахта и РККА.

– Вот как? А почему мы не вступили в войну против немцев?

Ну, о пакте Молотова-Риббентропа не слышал разве что ребёнок, так я и сказал Ежову. На что тот покачал головой и задумчиво потёр пальцами чисто выбритый подбородок.

– А вообще, насколько я знаю из кое-каких рассекреченных документов, начало войны мы провалили по вине безграмотных командиров, пришедших на смену профессионалам. Если память мне не изменяет, к 22 июня 1941 года у нас было 14 тысяч танков против 4 тысяч немецких, 10 тысяч самолётов против 5 тысяч немецких, около 60 тысяч орудий и миномётов против чуть более 40 тысяч у немцев. Однако Гитлер гнал наши войска до самой Москвы в хвост и гриву, одними пленными взяв к зиме более трёх миллионов советских солдат и офицеров.

– Так что же вы предлагаете, выпустить всех изменников Родины и вернуть их на командные посты в советскую армию? А что с расстрелянными делать? С тем же Тухачевским? Не поторопились ли мы его к стенке поставить за подготовку государственного переворота?

– Может, и поторопились, я просто констатирую факты. А ваше дело – думать. Ваше и товарища Сталина. Кстати, а вы не считаете, что мне не мешало бы встретиться лично с товарищем Сталиным?

– Сталиным? – Ежов с интересом поглядел на меня, словно я был каким-то редким экспонатом кунсткамеры. – Ну да, действительно, как же с Генеральным секретарём ЦК не встретиться... Встретитесь обязательно, Ефим... м-м-м...

– Николаевич.

– Обязательно встретитесь, Ефим Николаевич. Но вы должны сами понимать, что у товарища Сталина каждый день расписан по минутам и выкроить время даже для вас, человека из будущего, не так просто.

– Я прекрасно понимаю и готов ждать столько, сколько нужно, хотя лучше не затягивать: наша армия и оборонная промышленность должны успеть подготовиться к нападению фашистской Германии. И кстати, – набрался я наглости, – желательно ждать в более комфортных условиях, чем Бутырская тюрьма.

– Конечно, конечно, я всё прекрасно понимаю. Естественно, в камеру мы вас не вернём, устроим лучше.

– Там, между прочим, со мной вместе своей участи дожидались люди, которые явно попали туда по недоразумению.

– Ну, следствие разберётся, кто в чём виноват. – В голосе Ежова прорезался металл, и он тут же сменил тему: – Думаю, сегодня я услышал достаточно. Обождите в приёмной, пока я дам кое-какие распоряжения товарищу Фриновскому.

Он даже пожал мою руку своей маленькой влажной ладошкой, после чего мне свою ладонь захотелось обо что-нибудь вытереть. Я вышел в приёмную, а Фриновский скрылся в кабинете шефа. Появился он оттуда минуты через три.

– Сорокин, пойдёте, я вас пока устрою, а завтра снова встретитесь с товарищем Ежовым, продолжите ваше общение.

Опа, а ведь он мимолётом, а всё же перемигнулся со Шляхманом, и тот понятиливо чуть опустил подбородок. Не иначе друзья-товарищи что-то задумали, возможно с подачи наркома,

и мне это оч-чень не понравилось. Но пока придётся делать то, что говорят, изображать из себя послушного подследственного.

– Руки за спину? – поинтересовался я на всякий случай.

– Не стоит.

– Как скажете.

Уже лучше, в случае чего свободные руки могут многое решить. Интересно, куда меня определяют. Может, в какую-нибудь ведомственную гостиницу? Пусть даже и под охраной, однако в приличных условиях, где я смогу наконец нормально помыться, отъесться и отоспаться.

В компании с Фриновским, Шляхманом и парой давешних конвоиров мы спустились на первый этаж, где мой следователь попросил своих помощников дожидаться его в машине, припаркованной во дворе здания. А мы направились в дальний конец коридора. Там обнаружилась ещё одна, слабоосвещённая лестница, больше похожая на запасной выход.

– А куда мы идём, если не секрет? – с невинным видом поинтересовался я у сопровождающих.

– Сейчас всё узнаете, – успокоил меня Фриновский.

Лестница закончилась, мы остановились у железной двери, которую охранял молодой сотрудник НКВД с парой квадратиков в петлицах и кобурой на боку. Рядом с ним находилась тумбочка с чёрным телефоном без диска. При нашем появлении чекист вытянулся в струнку:

– Здравия желаю, товарищ комкор!

– Вольно, товарищ сержант. Мы ненадолго, нам тут нужно товарища определить... На жительство.

– Так точно! – невозмутимо отрапортовал энкавэдэшник, открывая ключом дверь.

– Здесь у нас специальные гостевые комнаты, – объяснил Фриновский, видимо заметив что-то на моём лице. – Не «Метрополь», конечно, но лучше, чем камера.

Заместитель народного комиссара посторонился, пропуская меня. На какое-то мгновение наши взгляды встретились, и я понял, что он знает, что я знаю. В общем, как в дешёвых голливудских фильмах.

«Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята!..» Я шагнул через порог, будучи уверен, что сразу же Фриновский или Шляхман пулю в затылок мне не пустит. А когда настанет этот момент, надеюсь, моя чуйка меня не подведёт.

Дверь за нами захлопнулась, повернулся ключ. Надо же, какие порядки. Ну, пока для меня это не главное, есть вещи и поважнее. Не торопясь двигаюсь вперёд, за мной слышны спаренные шаги Фриновского и Шляхмана. Стараюсь полностью абстрагироваться от окружающей обстановки, для меня сейчас важно уловить момент, когда ствол нагана будет направлен мне в затылок. Тогда на принятие решения у меня останутся доли секунды, и от того, насколько быстро и точно яотреагирую, зависит, продлится ли моё существование на этой земле ещё на какое-то время, или мои бранные останки сегодня же ночью закопают в братской могиле.

Семь, восемь, девять... двенадцать шагов. Ну что ж ты, Фриновский, сука, ждёшь? До конца заканчивавшегося тёмным тупиком коридора оставалось метров двадцать, и я не сомневался, что именно он возьмёт на себя удовольствие пристрелить хронопутешественника, который выложил всё, что им с Ежовым было нужно. Николай Иванович... тот ещё артист, чаем с лимоном поил...

Вот! Вот она, моя чуйка! У меня словно бы третий глаз появляется на затылке, который видит, как комкор неслышно расстёгивает кобуру, достаёт револьвер, поднимает ствол на уровень моей головы... А в следующее мгновение я разворачиваюсь и бью по запястью руки, сжимавшей оружие. Раздаётся выстрел, пуля с рикошетом от стены уходит в глубь коридора, и тут же следует удар в гортань. Если с уголовником в камере я миндальничал, не вкладывал в удар полную силу, то на этот раз моей задачей было вывести противника из строя надолго.

А возможно, и навсегда. Скорее всего, получился последний вариант, поскольку я явственно услышал хруст и, держась за горло татуированной лапой, Фриновский с выпученными глазами медленно оседает по стенке. А мне уже приходится работать со Шляхманом, который судорожно пытается извлечь из кобуры револьвер. Поставленный удар в челюсть опрокидывает следователя на пол, Шляхман на несколько секунд оказывается в простратии. Этого времени мне хватает, чтобы перевернуть его на живот и, упёршись для удобства коленом меж лопаток, свернуть шею. Никогда не считал себя садистом, но сейчас хруст позвонков слышится мне райской песней, доставляя настоящее эстетическое удовольствие.

Фриновский всё ещё бьётся в конвульсиях. Короткий взгляд в сторону двери... Хорошо, что там нет глазка, а значит, постовой ничего не видел, и если и слышал что-то, то лишь выстрел, после чего наверняка сделал соответствующий вывод: мол, завалили очередного бедолагу, к этому не привыкать. Стало быть, у меня есть какое-то время на обдумывание дальнейших действий.

Есть, но не так много, как хотелось бы. Минута-две. После этого сержант забеспокоится, хорошо, если сам заглянет – уж с ним я как-нибудь разберусь, но ведь он может по какому-нибудь протоколу или, вернее, уставу вызвать подкрепление. И даже с трофейным револьвером я в перестрелке против нескольких человек, особенно в замкнутом пространстве, ничего не стою. Эх, сюда бы мой верный АКМ...

Мысль, что делать дальше, созрела мгновенно. Так, форма уже затихшего наркома для меня будет коротковата, в смысле по росту, так-то Фриновский был шире меня раза в полтора. Упитанным я никогда не был, а уж после тюремной диеты и вовсе добился невиданной ранее стройности. Заместитель же Ежова питался, надо думать, от души, ни в чём себе не отказывая.

А вот со Шляхманом мы приблизительно одной конституции, да и званием он помельче, не так привлекает внимание, как обмундирование наркома. Теперь только бы выбраться.

Я быстро скинул с себя кроссовки, джинсы, майку и принялся стягивать с ещё тёплого следователя амуницию. О, у нас и нога одного размера! Безуха!

Трупы я отволок в тупичок: с противоположного конца коридора и не поймёшь, что там за бесформенная куча. Всё, теперь можно пытаться покинуть этот подвал. Поправив португую и пожалев, что нет зеркала оценить свой прикид, я громко постучал в дверь. Фух, только бы сержант не стал ничего спрашивать, потому что копировать голоса у меня никогда не получалось.

На моё счастье, тот открыл без вопросов. И тут же почувствовал упирившийся в подбородок ствол револьвера.

– Тихо! Одно слово или неверное движение – и ты покойник. Ты меня понял?

Глядя на меня выпученными от испуга глазами, сержант промычал что-то невнятное, но вроде согласился с моими доводами. Вот и ладненько.

– Какой-нибудь запасной выход есть?

Отрицательно трясёт головой и одновременно пожимает плечами. Мол, может, и есть, но он как бы не в курсе. Делать нечего, придётся пробиваться через основной. Вот только что делать с сержантом, не убивать же парня. Сколько ему, лет двадцать пять? Перепуган до смерти, нет, не поднимется у меня рука его завалить. А вот усыпить – запросто. Стоит только пережать на какое-то время сонную артерию. Главное – не переборщить. Как-то приходилось это делать. И в этот раз получилось. Сержант сполз по стеночке и завалился на бок. Отдохни, дорогой. Боюсь, потом тебя по головке точно не погладят, но извини – моя жизнь мне дороже. Ещё нужно из здания выбраться живым. Или мёртвым... Это уж как получится. Отстреливаться буду до последнего патрона, но живым не дамся. Хватит с меня расстрелов, и так уже поседел... частично.

А может, сначала навестить дорогого Николая Ивановича Ежова? Поговорить с ним по душам, а в случае чего и в заложники взять... Хм, заманчивая перспектива. А что потом? Из

кровавого наркома получится героизированная личность, а если, чего доброго, помрёт с перепугу, так и вовсе его именем какой-нибудь город назовут. Была Пенза, а будет Ежовск. И будут на демонстрациях с трибун возглашать: «Дорогие ежовчане...» Почти как ижевчане. Шансы же самому выбраться живым после захвата и тем более убийства заложника – минимальны. Потому будем претворять в жизнь первый вариант с простым выходом из здания. Или непросто, опять же, там видно будет.

Плохо, морда у меня небритая, с такой щетиной я тут работников органов что-то не встречал. Революционные времена, когда и бородок не гнушались типа Дзержинского, канули в Лету. Ни бритвы, ни воды с мылом... Однако... Идея немного сумасшедшая, но может прокатить. Тем более что на Шляхмана я лицом тоже мало похож.

Я споро стянул с сержанта сапог, с ноги размотал портянку, поморщился от лёгкого душка... Но делать нечего – принялся обматывать щёку на пол-лица. Сверху нацепил фуражку. Наверное, напоминаю сейчас Ильича из фильма «Ленин в Октябре». Но за неимением других вариантов придётся косить под болезного с флюсом. Проверил на всякий случай, на месте ли документы Шляхмана. На меня с внутренней стороны красной корочки с эмблемой НКВД глянула физиономия убиенного мною следователя.

«Капитан государственной безопасности Шляхман Вениамин Борисович», – прочитал я про себя. Ну, царствие тебе небесное, Вениамин Борисович.

Наверх поднимался с бешено колотящимся сердцем. Решил выходить через парадный, так как оставшийся в машине Шляхмана водитель мог меня узнать в форме своего начальника. Да и КПП там, не думаю, что менее придирчивое, чем на главном входе.

Навстречу в коридоре попался какой-то чекист, я прошёл мимо, опустив глаза и держась ладонью за нижнюю часть лица, мол, болит так, что сам себя не помню. Вот и общий коридор, ведущий к центральному фойе с дежурным... Один прямоугольник, это, кажется, в энкавдэшной иерархии лейтенант госбезопасности. Шедший передо мной на выход сотрудник предъявил ему корочку в развёрнутом виде и прошествовал дальше.

Так, дорогой, давай без дрожащих рук. Спокойно раскрываем удостоверение и тут же захлопываем, при этом кивая лейтенанту, и снова с наигранным стоном под сочувствующим взглядом чекиста покидаем здание.

Спасибо тебе, Господи, если Ты есть! Надеюсь, всё же есть и Ты там сверху меня прикрываешь. Блин, весь мокрый как мышь. На улице уже порядком стемнело, и я с удовольствием подставил лицо прохладному ветерку, гулявшему по площади Дзержинского. Мимо прозвенел почти пустой трамвай «А», сразу навевая ассоциации с булгаковским: «Аннушка масло уже купила, причём не только купила, но и пролила». Цитату одной из своих любимых книг я помнил наизусть.

Отойдя за угол Владимирских ворот, наконец стянул с физиономии пахнущую потом портянку и отшвырнул её в сторону. Нет урны, и искать неохота. Намусорил, но в сумерках свидетелей вроде не видно.

Всё, я на воле! Ну и что делать дальше? Куда идти? Так, давай-ка, дружок, продумаем модель поведения. Форма чекиста слишком приметна, от неё придётся избавиться. К новой одежде не мешало бы обзавестись и новыми документами. Наверняка на какой-нибудь малине имеется мастер подделки документов. Только вот где найти эту малину? И не в форме же туда переться. И опять же, чем расплачиваться? Что за деньги сейчас в ходу и где их взять – тоже первоочередной вопрос.

Пока же нужно просто где-то провести ночь. Найти заброшенный дом? В принципе не такая уж сложная задача, наверняка какие-то дома готовятся под снос, Москва же, как-никак, строится.

– Товарищ милиционер!

Я даже вздрогнул, когда у меня где-то в районе пупка прозвучал этот исполненный страдания крик. Редкозубая старушка с волосатой бородавкой над верхней губой в каком-то непонятного фасона одеянии уцепилась за портупею, и я аккуратно убрал её скрюченные артритом пальцы с кожаного ремня.

– Что случилось, мамаша?

– Дык как же, я ж писала уже заявление на квартиранта, паразита эдакого, вечно пьяный придёт и куролесит. Обещали разобраться, а никто не пришёл. А чичас опять появился с фабрики в стельку, чуть меня не прибил. Вы уж найдите на него управу, Христом Богом молю!

Однако... Не успел на свободу выйти, как тут же обязан кому-то помогать. А бабульку жалко, вон как смотрит, будто побитая собачонка. Что ж там за квартирант у неё такой? Не иначе, какая-нибудь лимита с Рязани.

– А далеко идти-то?

– Дык рядом туточки, на Мясницкой... Тьфу, на Кирова, её ж переименовали два года назад.

– Ну пойдёмте, посмотрим на вашего квартиранта.

– Ой, ну спасибо тебе, сынок, заступник ты мой!

Наверное, со стороны я смотрюсь достаточно грозно, вон как шпана порскнула из подворотни при нашем появлении. Ещё бы, НКВД – это вам не хрен собачий.

– А что хоть за квартирант? – поинтересовался я у старушки, пока мы шли к её жилищу.

– Дык Васька Яхонтов, паразит, об том годе с Харькова приехал на заработки, на чаеразвесочную фабрику устроился. За пятьдесят рублёв сдаю ему комнату. Редкий раз тверёзым придёт.

– А чего ж, общежития фабрика не имеет?

– Откуда?!

– Не родственник он вам?

– К чертям такого родственника! Приютила на свою голову...

– А сдаёте по закону, имеется договор найма жилых помещений?

Тут вот глазки у старушки и забегали. Угу, понятно, в обход закона купоны стрижёт. И я ведь угадал с вопросом, подозревал, что во все времена в СССР и позже в России ответственный квартиросъёмщик обязан заключать с подселенцем соответствующий договор. Тут же, похоже, чёрный нал, проговорила старушка на свою голову. С другой стороны, ей повезло, что попался липовый милиционер, но всё равно пока все карты раскрывать не будем.

– Нехорошо... Как вас по имени-отчеству?

– Клавдия Васильевна я, Старовойтова.

– Нехорошо, Клавдия Васильевна, обманывать государство. Оно о вас всячески печётся, а вы вон от него доходы утаиваете. Ладно, на первый раз простим, но чтобы завтра же пошли и заключили договор.

– Дык ведь с Васькой надо идти в жилконтору, а он рано утром на фабрику убежит.

– Ничего, мы ему сейчас лекцию прочитаем – пойдёт как миленький. А на фабрике объяснится, справку выпишут в жилконторе.

– А может, заарестуете?

– Может, и заарестуем, если слова не подействуют. Ну, где ваш дом-то?

– Дык вон уж, – в очередной раз «дыкнула» старушка, – почитай пришли.

Обитала бабушка в подвальном помещении с окнами на уровне мостовой. Два окна – две комнаты, с удобствами во дворе. В окнах свет не горел, наверное, спит уже постоялец.

Оказалось, нет, где-то колобродит, и дверь в квартиру нараспашку, хорошо, чужой кто не влез. Хозяйка запричитала, заохала, мол, зря товарищ милиционер шёл, теперь неизвестно, сколько ждать, пока этот бандит вернётся.

– Что ж, посидим, торопиться нам некуда, всё равно на ночном патрулировании, – при-
врал я, располагаясь на колченогом табурете у стола и закидывая ногу на ногу.

– А может, картошечки на конопляном масле пожарить, а? Это я мигом, на керогазе-то.

– А что ж, не откажусь.

– И наливочки, не побрезгуете?

Бабуля извлекла из какой-то схронки початую бутылку с жидкостью тёмно-вишневого цвета, заткнутую бумажной пробкой. Откупорив её, я понюхал содержимое и удовлетворённо кивнул: мол, сгодится.

– Только немного, а то я на дежурстве.

– Дык сами и наливайте, товарищ милиционер, сколько требуется. Наливайте, а я вот уже картошечку почищу и поставлю готовиться.

Минут через двадцать передо мной на столе стояла небольших размеров сковорода, наполненная жаренной на постном масле картошкой. А рядом – краюха ноздреватого хлеба. Ну и стопка с наливочкой для аперитива. Ух, давненько я так не сиживал!

– А сами-то что?

– Я уже потрапезничала, вы кушайте, кушайте... Чичас, глядишь, и этот злыдень заявится. Вы уж спуска-то ему не давайте, пригрозите каторгой.

– Нет у нас в Советском государстве каторги, Клавдия Васильевна.

– А чиво ж есть-то?

– Ну, тюрьма, лагерь, этого хватает...

– Ну вот лагерем и пригрозите, может, за ум возьмётся... Молочка али чайку? Этот-то обормот пришёл тут как-то пьяный, сунул мне коробку чаю, я её и спрятала. Мало ли, когда ещё пригодится.

– Приворовывает, значит, ваш постоялец?

– Э-э, того не ведаю, может, и купил, – заюлила старушка.

– Ладно, давайте чаю... и немного молока туда плесните.

От стола я отвалился, словно насосавшийся крови комар. Хорошо-то как, и совсем не хочется думать о плохом. Сейчас бы ещё покемарить часик-другой.

Хозяйка, видно, уловила мой осоловелый взгляд и предложила:

– Вы ежели вздремнуть желаете, то можете в той комнате прилечь. А Васька придёт, так сразу его и споймаете.

– Ладно, будем считать, это засада, – согласился я. – Только сапоги скину, а посплю в форме.

– Это уж как хотите, дело хозяйское.

Постель, конечно, не моя кровать из будущего, но уж всяко лучше нар. Сунув револьвер под подушку, я повернулся на правый бок и тут же отрубился.

Глава 5

Постоялец не появился и утром. Бабушка меня не будила, так что сам я продрал глаза лишь в половине восьмого. Сев на кровати, сладко потянулся, морщась от лучика утреннего солнца, пробивавшегося в полуподвал. Происшедшее накануне казалось мне случившимся словно не со мной.

– Ой, как на Ваську-то похож! Вчера в потёмках и не разглядела толком, а чичас прямо одно лицо! Только побриться – и не отличишь, – замерла в дверном проёме бабуля с выдавшим виды полотенцем в руках, взирая на меня с нескрываемым интересом.

– Что, серьёзно похож?

– Вот те хрест! – мелко перекрестилась старушка.

– А есть его фото? – спросил я неспроста, потому как в моей голове зародилась вполне очевидная мыслишка.

– Ежели только он, паршивец, документ дома оставил, – сказала бабка, делая ударение в слове «документ» на второй слог. – Чичас гляну.

Она принялась рыться в тумбочке и спустя несколько секунд извлекла на свет божий удостоверение личности, принадлежащее некоему Василию Матвеевичу Яхонтову, родившемуся в 1908 году в Змиеве Змиевского уезда Харьковской губернии.

– Паспорта у него не было?

– Да откель паспорт-то! Он, почитай, из села приехал, кто ж ему такой документ выдаст?

Ну да, в это время процесс паспортизации только налаживался, а то начитались Маяковского, что он там что-то из штанин извлекает, я-то только годы спустя узнал, что в стихотворении речь шла о загранпаспорте. В загранку – да, без паспорта никак, а внутри страны как-то обходились.

Приглядевшись к лицу изображённого на небольшой чёрно-белой фотографии человека, я понял, что он и впрямь чем-то смахивает на меня. Может, это знак свыше? На первое время могу закосить под Яхонтова, а там уж как-нибудь, с Божьей помощью... Правда, нужно ещё от формы сотрудника НКВД избавиться, заменив её на гражданскую. Хорошо ещё, что бабуля не разбирается в таких тонкостях, приняла меня за милиционера.

– Знаете что, Клавдия Васильевна, я, пожалуй, временно конфискую этот документ для проверки личности вашего постояльца. Если объявится, так ему и передайте. Потом повесткой вызовем в милицию, а заодно и ваш вопрос постараемся решить. Если внушение не поможет, будем применять к дебоширу более строгие меры.

– Вот спасибо, сынок! Я ж за тебя молиться теперь буду!

– Не надо молиться, ваше дело – вовремя докладывать о творящихся безобразиях. И не поселять у себя жильцов без соответствующего оформления документов... Ох, что-то есть так хочется!

– Так я быстро кашку пшённую с молочком утренним сготовлю, у нас тут поутру разносит крестьянка из Бутово.

– А что ж, не откажусь. Премного благодарен за вашу заботу. Я у вас тут, получается, и сам словно постоялец, вечер да ночь провёл.

– Вот кабы все были такие постояльцы – и слава богу!

– И ещё платили бы, – усмехнулся я.

– Дык жить-то надо, куцы ж деваться, на пенсию, что артель платит, разве ж проживёшь?!

– А что за артель?

– Дык я ж тридцать лет, почитай, на Трёхгорке проработала, они и платят из фонда.

– На Трёхгорной мануфактуре?

– На ей самой, будь она неладна.

– А что так?

– Дык сама там всё здоровье оставила, ещё и мужа моего, Степана Алексеича, мануфактура эта в двадцать первом забрала: попал в ситценабивной станок, вытащили уже одни кровавые ошмётки. – И Клавдия Васильевна со вздохом перекрестилась на чёрно-белую фотографию в рамке, на которой она в возрасте лет тридцати в платочке на голове сидела рядом с усатым, в картузе мужиком, выглядевшим гораздо старше супруги. – Мы ж с ним оба с Псковской губернии. Приехали в Москву аккурат к войне с японцами да и устроились на мануфактуру. Подвальчик вот себе заработали на пару комнатушек. Детей двоих родили, сына с дочкой, ну энто ещё до революции. Дочь, как выросла, за военного вышла, они на Дальнем Востоке сейчас, а сын помер, под поезд попал, царствие ему небесное, Володеньке моему. – Опять перекрестилась, теперь уже на общее фото, где были изображены все члены семьи. – Чивой-то я разговорилась, пойду кашу готовить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.